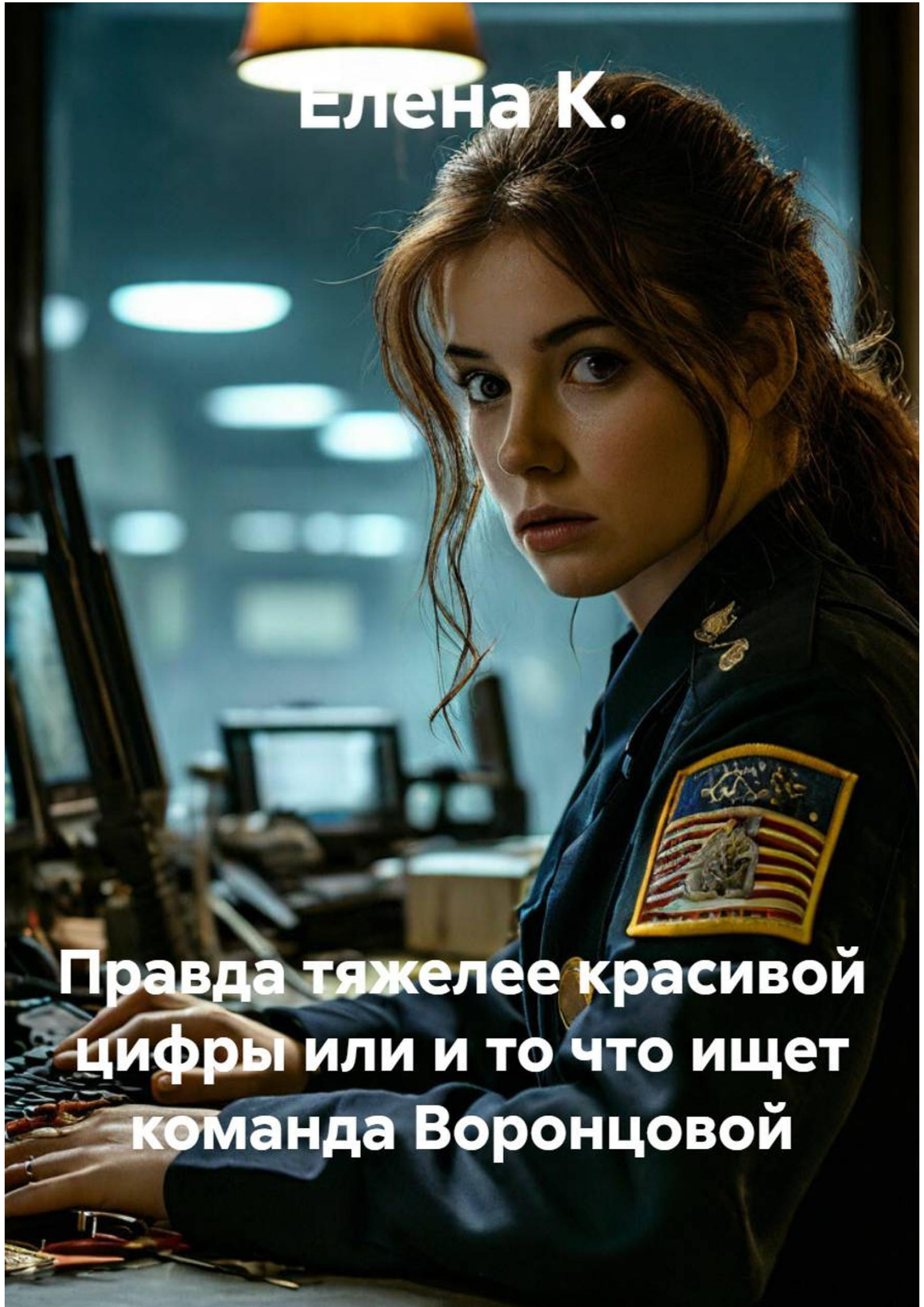

A woman with long brown hair, wearing a dark blue police uniform, is seated at a desk in a control room. She is looking off-camera with a serious expression. The uniform features a patch with an American flag and a police badge. The background is a blurred control room with multiple computer monitors and a warm overhead light.

Елена К.

**Правда тяжелее красивой
цифры или и то что ищет
команда Воронцовой**

Елена К.

**Правда тяжелее красивой
цифры или и то что ищет
команда Воронцовой**

«Автор»

2026

К. Е.

Правда тяжелее красивой цифры или и то что ищет команда
Воронцовой / Е. К. — «Автор», 2026

В этой истории нет погонь и перестрелок — только холодная логика фактов, которая оказывается сильнее любых оправданий. Воронцова, Алексей, Эльвира Марковна и выросший из скромного стажёра в сильного аналитика Тимур вскрывают изощрённую схему: годами реальность подменяли «удобными» отчётами, а проблемы прятали за красивыми терминами вроде «оптимизация» и «фильтрация выбросов». Расследование ведёт от графиков и алгоритмов к живым последствиям: холодным подъездам, изношенным трубам, людям, которых обманывали сухими цифрами. Команда бьётся не с пломбами и мешками, а с самой иллюзией благополучия — и побеждает там, где другие сдаются перед стеной «так у всех принято». Это история о том, как честность становится главным инструментом безопасности, а внимательный взгляд на детали — надёжнее любых красивых презентаций. О том, что настоящая эффективность начинается там, где перестают подменять реальность отчётами. И о людях, которые готовы отстаивать эту правду — шаг за шагом, цифра за цифрой.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава о совпадениях.	6
Глава 1.	7
Глава 2.	9
Глава 3.	13
Глава 4.	16
Глава 5.	18
Глава 6.	20
Глава 7.	22
Глава 8.	24
Глава 9.	26
Глава 10.	28
Глава 10.	30
Глава 11.	32
Глава 12.	34
Глава 13.	36
Глава 14.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Правда тяжелее красивой цифры или и то что ищет команда Воронцовой

Глава

Глава о совпадениях.

Внимание, читатель! ##

Все совпадения с реальными организациями, людьми, локациями и даже с тем самым «офисом, где воздух стоит дороже квартиры» — чистая случайность. Холдинг «ВекторГрупп», кабинет советника по операционной эффективности, таинственный модуль «для повышения точности» и особенно фраза «это не ошибка, это издержки» — плод авторского воображения.

Если вдруг вы узнали в Марке Львовиче своего бывшего куратора, в Кирилле Олеговиче — начальника аналитического отдела, а в алгоритме, который «сам всё почистит», — любимую корпоративную систему, — поздравляем: у вас отличная фантазия! И, возможно, стоит задуматься о карьере писателя. #

Любые параллели с реальными отчётами, KPI, «оптимизациями ради благополучия акционеров» и прочими чудесами офисной жизни — не более чем художественный приём. А если кто-то скажет, что «так везде делают», — мы скромно промолчим и продолжим верить в силу первичных данных. ##

Эта история — вымысел от первой до последней цифры. Но если после неё вам захочется проверить хоть один отчёт... что ж, значит, магия литературы сработала. #####

Глава 1.

Воронцова вошла в бухгалтерию ровно в 10:17. В воздухе витал запах кофе, бумаги и лёгкой паники — тот самый, который в крупных учреждениях появляется задолго до официального объявления ЧП.

— Елена Сергеевна, вы только не ругайтесь, — затараторила старший бухгалтер, нервно теребя край папки так, будто пыталась сложить из неё оригами. — Отчёт за третий квартал... пропал.

Воронцова не стала ругаться. Она вообще редко ругалась. Опыт подсказывал: если начать с крика, люди тут же вспоминают, что «всё было в порядке ещё вчера», и дальше из них не вытянешь ни слова. Вместо этого она посмотрела на часы, потом на папку, потом на бухгалтера — и сказала: — Значит, будем искать. У нас есть три версии: его украли, его потеряли, или он сам ушёл, потому что устал от проверок.

Бухгалтер моргнула, будто услышала что-то неприличное. — Я серьёзно, — добавила Воронцова. — Если он ушёл сам, это даже хуже: значит, у нас тут система, которая заставляет документы сбегать.

В коридоре зазвонил телефон. Кто-то кричал про «срочную сверку» так, словно это была пожарная тревога. Воронцова вздохнула и достала блокнот. День только начинался, а ощущение было такое, будто она уже отработала смену.

К ней робко приблизился молодой стажёр из планово-экономического — в костюме, который явно купили «на вырост», и с выражением лица человека, который впервые понял, что «экономика» — это не про деньги, а про нервы. — А... может, он в электронной базе? — предположил он. — Может, — кивнула Воронцова. — Но тогда почему все бегают с бумажными папками и смотрят на меня так, будто я должна вытащить отчёт из воздуха? Стажёр покраснел, будто сам был причастен к пропаже.

Из кабинета начальника отдела выглянул Игорь Петрович — человек, который умел делать строгий вид даже в тапочках. — Елена Сергеевна, это не просто отчёт. Это отчёт, по которому завтра будут спрашивать сверху. Если не найдём — у всех будут проблемы. — У всех и так проблемы, — спокойно заметила Воронцова. — Просто до этого момента они назывались «плановой работой». Игорь Петрович слегка прищурился, будто пытался понять, шутит она или констатирует факт. Решил, что лучше не уточнять.

Тем временем в бухгалтерии началась тихая паника. Кто-то перебирал стопки бумаг с такой скоростью, что казалось, вот-вот поднимет бумажный вихрь. Кто-то судорожно стучал по клавиатуре, будто надеялся, что отчёт выскочит из принтера сам. — Давайте по порядку, — сказала Воронцова, повышая голос ровно настолько, чтобы её услышали, но не приняли за сирену. — Кто последний видел отчёт?

Поднялось три руки — и все неуверенно, будто каждая боялась, что её обвинят. — Хорошо, — кивнула Воронцова. — Значит, видели трое. А кто положил его на место? Тишина. Даже кофемашина, и та будто перестала шуметь. — То есть никто не клал, — резюмировала Воронцова. — Он просто исчез, как носки в стиральной машине. Кто-то нервно хихикнул, но тут же прикрыл рот ладонью, словно смех был уликой.

Она подошла к столу, где обычно лежали текущие документы. Папка была, но пустая. На обложке значилось: «Отчёт 3 кв. — срочно». Внутри — только скрепка и одинокий стикер с надписью «Не забыть!». «Вот она, улика века», — подумала Воронцова.

Рядом на столе лежала стопка других бумаг — аккуратная, но с характерным перекосом, который бывает, когда кто-то торопливо что-то выхватывал. Воронцова провела пальцем по краю: пыль лежала ровно, кроме одного места — там, где явно что-то стояло, а теперь не сто-

яло. — Кто брал эту папку до меня? — спросила она. Опять тишина. Только кто-то в углу очень старательно делал вид, что сортирует бумаги по алфавиту.

Воронцова достала из кармана маленький фонарик — привычка, оставшаяся с полевых времён. Не для драмы, а чтобы подсветить края папок и заметить, не прилипли ли к ним кусочки бумаги. В этом деле любая мелочь могла стать зацепкой.

Пока она осматривала стол, в дверях появился ещё один персонаж — Аркадий Семёнович, главный специалист по инструкциям. Человек, который мог написать регламент на то, как правильно дышать в помещении. — Елена Сергеевна, — важно начал он, — прежде чем мы начнём поиски, нужно оформить заявку на утрату документа по форме 4-Д. Иначе любые действия будут считаться нарушением процедуры. Воронцова посмотрела на него так, будто он только что предложил вызвать духов для поиска отчёта. — Аркадий Семёнович, — спокойно сказала она, — если мы сначала будем заполнять форму 4-Д, то отчёт найдут только к следующему кварталу. И то случайно, когда будут выносить мусор. Аркадий Семёнович поджал губы, но спорить не стал. Он был из тех, кто спорит только письменно.

Телефон снова зазвонил. На этот раз голос в трубке звучал уже не как тревога, а как приговор: — Воронцова? Где отчёт? Сверху спрашивают. — Ищу, — коротко ответила она. — Пока есть три версии. — Мне не нужны версии, мне нужен отчёт! — Тогда лучше не мешайте, — сказала Воронцова и положила трубку.

В комнате стало тихо. Даже бумажные вихри улеглись. — Ладно, — сказала она, оглядывая собравшихся. — Давайте сделаем так. Вы все остаётесь здесь. Никто ничего не трогает. Я осмотрю помещение, а потом мы по очереди расскажем, кто что видел. И да — если кто-то вспомнит, что положил отчёт «куда-то туда», лучше сразу скажите. Хуже всего, когда выясняется, что он лежал в соседней папке всё это время.

И тут стажёр, который до этого старался быть незаметным, тихо произнёс: — А... я, кажется, видел, как его унесли. Все обернулись. Даже Аркадий Семёнович забыл про форму 4-Д. — Когда? — спросила Воронцова. — Ну... минут за двадцать до того, как все начали кричать. Я шёл по коридору и видел, как кто-то быстро нёс папку. Но лица не разглядел. — Зато папку разглядел? — уточнила Воронцова. — Да. На ней была эта... надпись. «Отчёт 3 кв. — срочно».

Воронцова кивнула. Вот оно — первое реальное звено. Не паника, не инструкции, а факт. — Спасибо, — сказала она. — Это уже что-то.

Она достала блокнот и записала: «Папку унесли. Кто? Зачем?» Потом добавила внизу: «И кто вообще придумал называть отчёты срочно, если они всегда пропадают именно в момент срочно?»

Где-то в коридоре снова зазвонил телефон. Воронцова не обернулась. Теперь у неё была зацепка. А с зацепкой паника уже не страшна.

Глава 2.

Воронцова вышла из бухгалтерии, прижимая к груди блокнот, будто он мог защитить от следующего звонка. В коридоре пахло не только бумагой — сюда просочился запах тревоги, который в госучреждениях держится лучше любого освежителя.

Стажёр семенил следом, стараясь не отставать и одновременно не выглядеть слишком заинтересованным — будто если он будет идти слишком близко, его тут же назначат помощником по расследованию. — Слушай... а можно я с вами? — не выдержал он. — Ну, просто... я же видел эту папку. Вдруг вспомню ещё что-то. Воронцова покосилась на него. В её взгляде читалось: «Мне нужен не помощник, мне нужен человек, который не будет ронять папки». Но вслух сказала спокойно: — Можешь. Только не мешай. И не смотри на меня так, будто я сейчас достану лупу и скажу: Элементарно!. Я не Холмс, я майор. Стажёр покраснел, но улыбнулся. Похоже, ему даже понравилось, что его осадил — значит, признали за своего.

Первым делом она направилась к камерам. В здании они висели повсюду, но работали по загадочному расписанию: то показывали идеально, то «перезагружались» именно в момент ЧП. У охраны сидел вечно сонный Витя, который знал про эти камеры больше всех — и меньше всех хотел об этом рассказывать.

— Витя, — сказала Воронцова, подходя к столу, — мне нужно двадцать минут записи с коридора у бухгалтерии. Примерно с 9:50 до 10:20. Витя зевнул, потянулся и только потом посмотрел на неё, будто пытался вспомнить, кто она такая. — А что случилось? Опять принтер сбежал? — Отчёт сбежал, — сухо ответила Воронцова. — И, кажется, его кто-то унёс. — Ага, — кивнул Витя. — Значит, не принтер. Это уже серьёзнее. Он лениво пощёлкал мышкой, и на экране появилась зернистая картинка коридора. Фигуры людей были похожи на тени, скользящие по полу. — Вот, — ткнул он пальцем. — Тут кто-то шёл быстро. С папкой. На экране мелькнула фигура в сером костюме. Лица не разобрать — капюшон или воротник закрывал половину. — Это всё? — спросила Воронцова. — Ну, ещё тут кто-то споткнулся о кабель, — добавил Витя. — Но это было в 10:03, это не по делу. — Спасибо, — сказала она, сдерживая улыбку. — Ты очень помог.

Когда они вышли, стажёр тихо спросил: — И что теперь? Мы знаем, что кто-то нёс папку. Но не знаем кто. — Теперь мы знаем, что это не случайность, — ответила Воронцова. — Кто-то сознательно унёс отчёт. А значит, у него была причина. Либо он хотел его спрятать, либо подменить, либо... использовать как приманку.

Они свернули в длинный коридор, где располагались кабинеты планово-экономического отдела. Там царила другая атмосфера — не паника, а показная занятость: все делали вид, что работают, но глаза у всех были как у людей, которые ждут, когда их вызовут на допрос.

Первой на пути попала Марина, секретарь начальника. Она сидела за столом, нервно щёлкала клавишами и делала вид, что не замечает Воронцову. — Марина, — спокойно сказала Воронцова. — Ты ведь знаешь всех, кто ходит по этому коридору. Скажи, кто сегодня выглядел... необычно? Марина подняла глаза, будто её поймали на чём-то запрещённом. — Ну... Аркадий Семёнович ходил туда-сюда три раза. Но он всегда так ходит. Говорит, что «согласовывает движение с регламентом». — А кто ещё? — Ещё... — она запнулась. — Ну, Игорь Петрович заходил к себе, потом выбежал, потом опять забежал. Как будто что-то искал. Воронцова мысленно отметила: начальник отдела нервничает. Это либо потому, что он знает, где отчёт, либо потому, что боится, что его обвинят в пропаже.

Тут из кабинета выглянул сам Аркадий Семёнович — тот самый, что требовал форму 4-Д. Увидев Воронцову, он приосанился, будто готовился к спору. — Елена Сергеевна, — начал он строго, — я должен напомнить, что любые следственные действия в учреждении должны быть согласованы с отделом внутреннего контроля. — Аркадий Семёнович, — перебила его

Воронцова, — если я сейчас пойду согласовывать, отчёт найдут в следующем финансовом году. А мне нужно сегодня. Аркадий поджал губы, но возразить не смог — логика была сильнее регламента.

И тут стажёр, который до этого стоял тихо, вдруг сказал: — А я вспомнил! Тот человек с папкой... он свернул не к лифту, а в сторону архива. Все обернулись на него. Даже Аркадий Семёнович на секунду забыл про регламент. — Точно? — спросила Воронцова. — Да, — уверенно кивнул стажёр. — Я ещё подумал, странно: зачем в архив с папкой, если там всё электронное?

Архив находился в дальнем крыле здания — тёмном, тихом и почти заброшенном. Туда ходили только тогда, когда что-то нужно было найти в старых бумагах или когда кто-то хотел спрятаться от начальства.

Дверь была приоткрыта. Воронцова остановилась, прислушалась. Внутри кто-то шуршал. — Стой здесь, — тихо сказала она стажёру. — Если что — зови охрану. Только не геройствуй. Она толкнула дверь и вошла.

В архиве пахло пылью и старыми договорами. На полках стояли коробки с надписями «2018», «2019», «Не трогать!». В углу кто-то копошился, пытаясь запихнуть папку в коробку. — Не двигайтесь, — ровным голосом сказала Воронцова. Человек замер. Потом медленно повернулся. Это был Игорь Петрович. В руках у него была та самая папка — «Отчёт 3 кв. — срочно».

— Елена Сергеевна... — начал он, но голос подвёл. — Я... я не то, чтобы прятал... — А что вы делали? — спокойно спросила Воронцова. — Прятали или подменяли? Игорь Петрович тяжело вздохнул и сел на край стола, будто ноги его больше не держали. — Я хотел его... отложить. На пару дней. Пока не разберусь с одной ошибкой. Там цифры не сходились. Если бы сверху увидели — меня бы сняли. — То есть вы сами его унесли, — подытожила Воронцова. — И никому не сказали. — Да... — тихо признался он. — Я думал, успею всё исправить. А потом началась эта паника, и я уже не знал, как вернуть его незаметно.

Воронцова посмотрела на папку, потом на Игоря Петровича. В её голове щёлкнуло: мотив есть, действия есть, но это не преступление — это страх. И в этом страхе было больше правды, чем во всех инструкциях Аркадия Семёновича.

— Ладно, — сказала она. — Папку мы заберём. Но вы сегодня же напишете объяснительную. И не по форме 4-Д, а своими словами. Что за ошибка, почему скрыли, как будете исправлять. Игорь Петрович кивнул, будто с него сняли тяжёлый груз.

Когда они вышли из архива, стажёр смотрел на Воронцову так, будто она только что раскрыла международный заговор. — Вы... вы всё поняли! — восхищённо прошептал он. — Нет, — усмехнулась Воронцова. — Я просто знаю, как думают люди, когда им страшно. А в этом здании почти все сейчас немного напуганы.

Телефон в её кармане снова зазвонил. Она посмотрела на экран, вздохнула и ответила: — Воронцова. Отчёт найден. Да, он был спрятан. Нет, это не диверсия. Это... бюрократическая паника. На том конце провода помолчали, будто пытались осознать, что мир не рухнул. — Хорошо, — наконец сказали. — Разберитесь. И... спасибо.

Воронцова убрала телефон и посмотрела на стажёра. — Запомни, — сказала она. — В таких делах редко бывают злодеи в чёрном. Чаще всего виноваты страх, спешка и привычка прятать проблемы вместо того, чтобы их решать. Стажёр кивнул, будто записывал каждое слово.

А где-то в бухгалтерии уже звонили, чтобы сообщить, что отчёт нашёлся. И, кажется, даже кофемашина снова заработала — как будто здание само вздохнуло с облегчением.

Воронцова шла по коридору, и теперь на неё смотрели иначе. Не с тревогой «сейчас начнётся разнос», а с осторожным уважением — будто она только что выключила пожар, не про-

лив ни капли воды. Стажёр семенил рядом, стараясь не отставать и одновременно не выглядеть слишком довольным: ему казалось, что он теперь причастен к чему-то важному.

— А что теперь будет с Игорем Петровичем? — не выдержал он. — Его уволят? Воронцова покосилась на него, как смотрят на человека, который в серьёзном разговоре спрашивает, не взорвётся ли лампочка, если её потрогать. — Не знаю, — спокойно сказала она. — Но увольняют не за страх. Увольняют за ложь. А он не врал — он просто прятал. Это разные вещи. Стажёр кивнул, будто записал это в невидимый блокнот.

Папку с отчётом она сдала в канцелярию под расписку — не потому, что боялась, что её снова украдут, а чтобы у истории было документальное подтверждение: «было — пропало — нашлось». Формальности иногда нужны не для контроля, а для того, чтобы люди могли выдохнуть и сказать: «Всё зафиксировано, дальше работаем».

В канцелярии её встретила Тамара Васильевна — женщина, которая знала про все документы в этом здании больше, чем их авторы. Она приняла папку, посмотрела на неё так, будто могла по обложке определить настроение составителя, и поставила штамп с такой силой, что казалось, будто ставит точку не только в деле, но и в общей панике. — Ну вот, — сказала она, протягивая копию расписки. — Теперь это официально не пропажа, а временная утрата. Звучит солиднее. Воронцова чуть улыбнулась. В этом была своя бюрократическая поэзия.

На обратном пути они свернули не в главный коридор, а в «тихую зону» — узкий проход между архивом и серверной, где редко кто ходил, зато часто решались настоящие дела, а не их имитации. Там, у окна с треснувшим стеклом, стоял Аркадий Семёнович. Он не выглядел рассерженным — скорее, обескураженным. Как человек, который всю жизнь строил забор по линейке, а потом обнаружил, что дом стоит не там. — Елена Сергеевна, — начал он строго, но голос звучал уже не как приказ, а как просьба о разъяснении. — Я должен сказать... я был неправ насчёт формы 4-Д. В таких ситуациях... регламент не всегда помогает. Воронцова остановилась. Это было почти признание в слабости — а для Аркадия Семёновича это значило больше, чем любая объяснительная. — Бывает, — сказала она спокойно. — Регламент хорош, когда всё идёт по плану. А когда план ломается, приходится действовать по обстоятельствам. Главное — не терять голову. Аркадий Семёнович кивнул, будто услышал не оправдание, а разрешение быть неидеальным.

И тут стажёр, который до этого старался быть незаметным, вдруг спросил: — Но ведь ошибка в отчёте осталась? То, из-за чего Игорь Петрович его прятал... Она никуда не делась. Воронцова посмотрела на него с интересом. Не как на надоедливого помощника, а как на человека, который увидел то, что другие предпочли не замечать. — Молодец, — сказала она. — Именно. Отчёт нашли, панику остановили, а проблема — цифры, которые не сходятся — всё ещё здесь. И если мы её не решим, через месяц будет новая паника, только по другому поводу.

Она достала блокнот и быстро набросала три пункта:

Кто вводил данные?

Где цепочка согласования?

Кто последний проверял цифры?

— Пойдём, — сказала она стажёру. — Сейчас мы не ищем пропажу. Сейчас мы ищем, где сломалась система.

Они вернулись в бухгалтерию. Теперь здесь было тише. Паника улеглась, и на её место пришёл стыд — тот самый, который бывает, когда понимаешь, что наделал лишнего шума. Старший бухгалтер сидела за столом, перебирала какие-то бумажки и делала вид, что очень занята. — Нам нужен журнал ввода данных за третий квартал, — сказала Воронцова. — И список всех, кто имел доступ к корректировкам. Бухгалтер подняла глаза, будто ожидала чего угодно, только не этого. — Зачем? — тихо спросила она. — Отчёт же нашёлся... — Потому что нашёлся отчёт, а не решение проблемы, — спокойно ответила Воронцова. — Если цифры неверны, то это не отчёт, а красивая папка с ошибкой внутри.

Через пять минут перед ними лежал журнал — толстая тетрадь в синей обложке, где аккуратным почерком были записаны даты, фамилии и номера проводок. Воронцова листала страницы, а стажёр заглядывал через плечо, стараясь не мешать, но всё равно мешая своим напряжённым вниманием.

И вот оно — на странице за 28 августа. Одна строка выделялась: проводка с пометкой «корректировка по указанию», но без подписи. — Вот, — тихо сказала Воронцова, постучав пальцем по строке. — Кто ввёл? Бухгалтер посмотрела, побледнела и тут же попыталась сделать вид, что это какая-то мелочь. — Да это... наверное, опечатка. Или временный ввод. — Временный ввод не оставляют в итоговой базе, — жёстко сказала Воронцова. — Кто это сделал? Тишина. Даже принтер в углу перестал гудеть, будто тоже ждал ответа.

Наконец бухгалтер тихо произнесла: — Это... я. Но я думала, что потом исправлю. А потом закрутилась, забыла... А когда увидела расхождение, испугалась. Решила, что если никто не заметит, то и ладно. Воронцова не стала её ругать. Ругань тут не помогала — она только заставляла людей снова прятать ошибки. — Хорошо, — сказала она. — Вы признались. Это уже половина решения. Теперь давайте исправлять. Прямо сейчас.

Стажёр, который всё это время стоял молча, вдруг предложил: — Можно я помогу? Я на курсах учился проверять проводки... ну, немного. Бухгалтер посмотрела на него с благодарностью — как на человека, который пришёл не судить, а помочь. — Давай, — кивнула Воронцова. — Ты будешь проверять, она — вносить исправления, а я — следить, чтобы никто не начал снова прятать папки.

Пока они работали, Воронцова вышла в коридор. Телефон в кармане молчал — редкий, почти забытый момент тишины. Она достала термос, налила себе кофе, сделала глоток и посмотрела в окно. Город жил своей жизнью: машины, люди, суета — и где-то среди этого крутились цифры, отчёты, страхи и попытки всё исправить.

Её телефон тихо пискнул — пришло сообщение от начальства: «Спасибо, что разобрались. Держите в курсе по исправлению». Воронцова напечатала короткий ответ: «Работаем. Проблема найдена, исправляем».

Когда она вернулась, стажёр и бухгалтер уже склонились над экраном, сравнивали цифры и тихо обсуждали проводки. На столе лежала раскрытая тетрадь, и в ней появилась новая запись — аккуратная, с подписью и датой. — Готово, — сказала бухгалтер, выдохнув так, будто сбросила тяжёлый рюкзак. — Всё сходится. Стажёр улыбнулся, будто сам только что раскрыл преступление.

Воронцова кивнула. — Теперь главное — не прятать. Если снова будет ошибка, приходите сразу. Лучше потратить десять минут на исправление, чем три дня на поиски папки.

Уже у лифта стажёр тихо спросил: — А это и есть работа следователя? Искать не преступников, а ошибки? Воронцова усмехнулась. — Иногда преступник — это паника. А самая опасная улика — тишина, когда все делают вид, что всё в порядке. Наша задача — не дать этой тишине стать оправданием.

Лифт приехал. Двери открылись. И впервые за день в здании стало по-настоящему спокойно, проблему назвали, признали и начали исправлять.

Глава 3.

Воронцова стояла у лифта, собираясь наконец-то выпить остывший кофе, когда телефон снова ожил. На экране высветилось: «Витя, охрана». Она поморщилась — обычно, если Витя звонит сам, значит, случилось что-то, что не влезает в регламент Аркадия Семёновича.

— Елена Сергеевна, — голос у Вити был непривычно серьёзным, без привычной ленивой интонации. — Тут такое дело... Я ещё раз пересмотрел запись с коридора. Ну, ту, где человек с папкой сворачивает к архиву. — И? — Воронцова невольно понизила голос, будто кто-то мог подслушать. — Я отмотал чуть дальше. Там, через три минуты после того, как папка исчезла из кадра, в тот же коридор заходит другой человек. И он... ну, он не просто шёл. Он оглядывался. Как будто проверял, нет ли камер. Воронцова выпрямилась. Кофе был забыт. — Покажи. Сейчас приду.

В комнате охраны пахло старым пластиком и крепким чаем. Витя щёлкнул мышкой, и на большом мониторе снова побежала зернистая картинка. Фигуры были размытыми, но движения — чёткими. Сначала — тот самый силуэт с папкой (теперь Воронцова точно знала: это был Игорь Петрович). А через пару минут — другой мужчина: невысокий, в тёмной куртке поверх рубашки, будто пытался выглядеть как сотрудник, но не до конца попал в стиль отдела. Он остановился у двери архива, прислушался, потом быстро заглянул внутрь — ровно на три секунды — и тут же ушёл в сторону лестницы, минуя камеры у лифтов.

— Вот, — ткнул Витя пальцем в экран. — Он явно знал, где слепая зона. И явно не хотел, чтобы его видели. — Ты кому-нибудь ещё это показывал? Витя покачал головой. — Только тебе. Подумал, вдруг я накручиваю. Но... знаешь, тут столько лет сижу, лица запоминаются. Этого я раньше не видел.

Воронцова достала блокнот. На чистой странице написала: «Незнакомец у архива. 10:23. Знал слепую зону». Подчеркнула дважды.

Она вернулась в бухгалтерию. Стажёр и бухгалтер всё ещё сидели над экраном, сверяя цифры, но теперь в их сосредоточенности было что-то другое — не паника, а спокойная уверенность, будто они уже перешагнули через страх. — Мы всё исправили, — тихо сказала бухгалтер, заметив Воронцову. — Проводка удалена, баланс сходится. Я подписала, дата стоит. Воронцова кивнула, но в голосе не было облегчения. — Хорошо. Это важно. Но у нас появилась новая проблема. Стажёр тут же напрягся, как щенок, который услышал команду «рядом». — Какая? — На записи с камер есть ещё один человек. Он приходил к архиву почти сразу после Игоря Петровича. И он не сотрудник. Бухгалтер побледнела так резко, будто из комнаты выкачали весь воздух. — Но... но зачем? — прошептала она. — Там же ничего нет, кроме старых папок... Воронцова посмотрела на неё пристально. — А что там есть? Что хранят в архиве, кроме отчётов? — Ну... старые договоры. Первичные документы. Акты сверок... — бухгалтер запнулась. — И... копии платёжных поручений за прошлые годы.

И тут в голове у Воронцовой щёлкнуло. Не просто щёлкнуло — ударило током. Она вспомнила строчку в журнале ввода данных: «корректировка по указанию», без подписи. Вспомнила, как Игорь Петрович прятал отчёт из-за расхождений в цифрах. И поняла: ошибка в отчёте могла быть не случайной. Она могла быть следом. Следом от чего-то большего.

— Скажите, — медленно произнесла Воронцова, глядя прямо на бухгалтера, — а эти старые платёжные поручения... они имеют юридическую силу? Их можно использовать как подтверждение? Бухгалтер кивнула, сглотнув. — Да. Особенно если оригиналы утеряны. Копии в архиве считаются подтверждающими документами.

Воронцова повернулась к стажёру. — Беги к Вите. Возьми у него копию записи, где этот незнакомец заходит в архив. Пусть скинет на флешку. И скажи, чтобы ни слова никому, пока я не вернусь. Стажёр сорвался с места так стремительно, что чуть не опрокинул стул.

Сама Воронцова пошла прямо к архиву. Дверь была закрыта, но не заперта на ключ — только на защёлку. Она толкнула её и вошла.

Пахло пылью и затхлостью, но теперь к этому запаху примешивался другой — едва уловимый, но знакомый: запах дешёвого одеколона. Тот самый, который остаётся после человека, который торопился и нервничал.

На полу, у самой дальней полки, лежала смятая бумажка — обрывок чека из кофейни на соседней улице. Воронцова подняла его, аккуратно завернула в салфетку и положила в карман.

Полки стояли как обычно, но одна коробка была сдвинута. На картонной крышке виднелись свежие царапины — будто кто-то торопливо её дёргал. Воронцова потянула коробку на себя. Внутри лежали папки с договорами за 2019 год. Она быстро пролистала их — всё на месте. Но внизу, под папками, лежал отдельный конверт без маркировки. Она вытащила его.

Внутри были не документы. Внутри была флешка. Обычная, чёрная, без наклеек. И ещё — листок бумаги с рукописным списком дат и сумм. Суммы были крупными. Даты — как раз из того периода, когда в бухгалтерии делали «корректировки».

Воронцова села на край стола и несколько секунд просто дышала. Картина складывалась. Кто-то использовал ошибку в отчёте как отвлекающий манёвр. Пока все бегали за папкой, кто-то пришёл в архив, чтобы забрать или подбросить доказательства. Или чтобы убедиться, что старые документы на месте — потому что они были частью какой-то схемы.

Телефон завибрировал. Это был стажёр. — Я взял запись! И... Витя сказал, что этот человек на видео — он похож на кого-то из базы розыска. Он сейчас сверяет. — Молодец, — спокойно сказала Воронцова, хотя внутри всё кипело. — Сидите там. Никуда не выходите. Я сейчас поднимусь.

Когда она вернулась в комнату охраны, Витя уже открыл на экране другую вкладку — базу ориентировок. Рядом с зернистой картинкой с камеры появилось чёткое фото. Сходство было очевидным: тот же нос, тот же резкий изгиб бровей. — Это Сергей Волков, — сказал Витя, постучав пальцем по фото. — Его ищут по делу о подделке финансовых документов в двух строительных фирмах. Прошлый год. Сбежал до суда.

Воронцова медленно кивнула. Теперь пазл сошёлся окончательно. Папка с отчётом стала ключом. Ошибка в цифрах — приманкой. Архив — местом хранения доказательств. А незнакомец у двери — звеном в цепочке, которая тянулась далеко за пределы этого здания.

Она достала телефон и набрала номер своего начальника. — Товарищ полковник, — сказала она ровно, без паники, но с той интонацией, которую нельзя проигнорировать. — У нас не пропажа отчёта. У нас вскрыта схема финансовых махинаций. В архиве найдены улики. Подозреваемый был на территории здания сегодня утром. У меня есть запись с камер и косвенные доказательства. Прошу санкцию на передачу материалов в следственную группу и усиление охраны объекта. На том конце провода помолчали. Потом спросили: — Ты уверена? — Абсолютно, — ответила Воронцова. — И ещё одно. Тот человек, который прятал папку... Игорь Петрович. Он не преступник. Он жертва паники и давления. Но он может быть важным свидетелем. Его нельзя сейчас пугать.

После разговора она вернулась в бухгалтерию. Стажёр сидел на стуле, сжав кулаки, будто готовился к штурму. Бухгалтер смотрела на дверь, ожидая сирен. — Всё в порядке, — сказала Воронцова, и в её голосе впервые за день прозвучало что-то похожее на тепло. — Панику можно выключить. Теперь этим занимаются те, у кого для этого есть полномочия. — А что будет дальше? — тихо спросил стажёр. — Дальше будет работа, — ответила она. — Много бумажной работы, протоколы, допросы. Но самое главное мы уже сделали: мы перестали прятать проблему и назвали её по имени.

Она подошла к окну. Город жил своей обычной жизнью. Но теперь Воронцова знала: где-то среди этой суеты прячется человек, который думал, что его схема идеальна. Что никто не заметит ни ошибки в отчёте, ни чужого запаха в архиве, ни смятого чека на полу.

«Ошибаешься, — мысленно сказала она, глядя на улицу. — Идеальных схем не бывает. Бывают только люди, которые не сдаются искать».

Где-то в коридоре снова зазвонил телефон. Но на этот раз Воронцова не вздохнула. Она улыбнулась уголком рта и взяла трубку. — Воронцова. Слушаю.

Глава 4.

Стажёр сидел в пустом кабинете планово-экономического отдела — его туда временно «пристроили», чтобы не путался под ногами у следователей, которые уже приехали и теперь тихо переговаривались в бухгалтерии. На столе перед ним стоял старенький ноутбук, выданный «для описи файлов», а на коленях — блокнот, куда он старательно заносил названия папок.

Сначала это казалось скучным: «Архив_2019», «Договоры_входящие», «Сканы_прочее». Но потом взгляд зацепился за странность: одна папка называлась просто «Temp», но весила как три годовых отчёта. И лежала не в общей директории, а отдельно, в глубине рабочей папки главного бухгалтера — туда обычно кидали временные файлы, а потом удаляли. Только эту почему-то не удалили.

Стажёр покосился на дверь: в коридоре всё ещё слышались голоса, шаги, шуршание бумаг. Никто не смотрел в его сторону. Он щёлкнул по папке. Внутри был один-единственный файл — Excel с названием «Корректировки_итога». И он был защищён паролем.

«Странно, — подумал стажёр. — Если это черновик, зачем пароль? А если важное — почему лежит в Temp?»

Он попробовал самые очевидные варианты: «12345», «password», «Temp2019» — ничего. Потом вспомнил, что у бухгалтера на стикере над монитором были какие-то цифры. Не те ли? Он ввёл «0828» — дата, которую она сегодня повторяла как мантру.

Замок щёлкнул. Файл открылся.

На экране была таблица — аккуратная, с чёткими столбцами: «Дата», «Контрагент», «Сумма», «Основание», «Ответственный». Но в графе «Основание» почти везде стояло одно и то же: «По распоряжению». Ни номеров приказов, ни подписей. А суммы... Стажёр быстро прикинул в уме. Это были не мелкие корректировки. Это были переводы, которые меняли баланс всего квартала.

Внизу таблицы, в примечаниях, была короткая строчка, написанная как будто второпях: «Согласовано через С.В. — подтверждение в почте».

Стажёр замер. «С.В.» — Сергей Волков? Тот самый, которого ищут? У него вдруг вспотели ладони, и он понял, что сидит, задержав дыхание.

Не думая, он открыл корпоративную почту бухгалтера — благо сессия ещё не истекла — и вбил в поиск «С.В.». Выпало несколько писем. Одно из них было отправлено три месяца назад: «Подтверждаю получение. Всё в силе. С.»

И тут дверь кабинета скрипнула.

Стажёр дёрнулся так, что чуть не свалил ноутбук. В проёме стоял не следователь и не Воронцова, а Аркадий Семёнович — в строгом костюме, с папкой под мышкой и выражением лица человека, который пришёл проверить, не нарушили ли регламент даже в мелочах. — Что ты делаешь? — спросил он строго. — Тебе поручили инвентаризацию файлов, а не изучение содержимого. — Я... я просто... — стажёр судорожно пытался свернуть окна, но пальцы не слушались. Excel и почта мелькнули на секунду и исчезли. Но Аркадий Семёнович успел заметить. — Это не твоя зона доступа, — голос у него стал тише, но от этого звучал ещё строже. — Ты не имеешь права открывать защищённые файлы. — Но там... там что-то странное! — выпалил стажёр. — Таблица с переводами, и везде «по распоряжению», и письма... Аркадий Семёнович нахмурился. Он не выглядел как человек, который хочет скрыть преступление — он выглядел как человек, которому страшно от самой мысли, что правила нарушены. — Немедленно закрой, — приказал он. — И не трогай. Этим занимаются уполномоченные лица. Но стажёр уже не мог остановиться. — А если это важно? Если это про Волкова? Воронцова сказала, что нельзя прятать проблемы! Аркадий Семёнович вдруг как будто сдуплся. Строгость ушла, осталась усталость. — Ты хочешь помочь, — тихо сказал он. — Я понимаю. Но иногда

желание помочь приводит к тому, что ты ломаешь всю цепочку доказательств. Представь: ты что-то открываешь, копируешь, трогаешь — и потом адвокат скажет: «А кто дал ему доступ? А где гарантия, что он ничего не изменил?» И всё, улика обесценена. Стажёр сжал кулаки. Ему хотелось кричать, что он не глупый, что он всё делал аккуратно, но он понимал: Аркадий прав. Он действительно мог всё испортить.

Тут в коридоре послышались быстрые, уверенные шаги — те самые, по которым стажёр теперь узнавал Воронцову даже сквозь стены. Она появилась в дверях, увидела бледного стажёра, папку в руках Аркадия Семёновича, ноутбук на столе — и сразу всё поняла. — Так, — сказала она спокойно, но твёрдо. — Что тут происходит? — Он открыл защищённый файл, — доложил Аркадий Семёнович, и в его голосе не было злорадства, только тревога. — Без санкции. Воронцова посмотрела на стажёра. Не с упрёком, а с тем взглядом, который будто говорит: «Я знаю, что ты хотел как лучше». — Покажи, — просто сказала она. Стажёр, глотая ком в горле, снова открыл файл. Воронцова наклонилась, быстро пробежала глазами по таблице, задержалась на примечании, потом щёлкнула на письмо. Прочитала. Выпрямилась. — Молодец, что не стал ничего копировать, — сказала она. — И спасибо Аркадию Семёновичу, что остановил. Это действительно могло всё сломать. Стажёр выдохнул. Ему вдруг стало стыдно и одновременно легко — как будто он стоял на краю, а его вовремя удержали. — Эта таблица, — продолжила Воронцова, — это не просто ошибка. Это реестр переводов, которые маскировали вывод денег. «По распоряжению» — это кодовая фраза. Волков работал не один. У него был внутренний контакт. И этот контакт — кто-то из своих. Возможно, тот, кто давал распоряжения бухгалтеру. Она достала телефон, набрала короткий номер. — У меня новая улика, — сказала она в трубку. — Цифровая. Файл и переписка. Нужно зафиксировать цепочку: кто создавал, кто менял, кто отправлял. Пусть эксперты заберут ноутбук целиком, без копирования. Потом она повернулась к стажёру. — Ты нашёл зацепку. Это важно. Но теперь мы действуем не как любопытные люди, а как профессионалы. Никаких самостоятельных расследований. Договорились? Стажёр кивнул. — Договорились, — прошептал он.

Через десять минут в кабинет вошли двое в штатском — из следственной группы. Они аккуратно упаковали ноутбук в пакет, наклеили пломбы, составили протокол. Стажёр смотрел, как уносят машину, на которой он нашёл улику, и чувствовал странную смесь гордости и облегчения.

Когда все ушли, в кабинете стало тихо. Воронцова села на край стола, посмотрела на стажёра и чуть улыбнулась — той самой улыбкой, которая не отменяет серьёзности, но снимает напряжение. — Знаешь, в нашем деле самое опасное — не преступник, — сказала она. — Самое опасное — это когда ты думаешь, что справишься сам. Что ты всё поймёшь, всё исправишь, никого не побеспокоишь. А в итоге ломаешь доказательства и подставляешь себя. — Я понял, — кивнул стажёр. — Хорошо, — сказала Воронцова. — Тогда вот твоя новая задача. Ты будешь помогать мне как официальный ассистент при фиксации материалов. Будешь сидеть рядом, смотреть, записывать — но только то, что я скажу. Никакой самостоятельности. Зато ты увидишь, как из одной таблицы рождается целое дело. Стажёр снова кивнул, на этот раз твёрже. — Спасибо, — тихо сказал он. — Не благодари, — усмехнулась Воронцова. — Это работа. Тяжёлая, медленная, скучная — и именно поэтому она работает. Потому что скучные протоколы и сухие таблицы не дают преступникам шанса сказать: «Это не считается».

Где-то в здании хлопнула дверь. Снова зашуршали бумаги, зазвучали голоса — уже не панические, а рабочие. Дело переходило в следующую фазу. И стажёр, сидящий напротив Воронцовой, вдруг понял: он больше не просто стажёр. Он — часть этой цепочки. И его задача — не геройствовать, а быть внимательным.

Глава 5.

Кабинет полковника был не из тех, где любят уют. Здесь ценили функциональность: стол — массивный, будто рассчитанный на штурмовые планы; стены — без картин, зато с досками, исчерченными стрелками, датами и фамилиями; воздух — плотный от напряжения и кофе.

Воронцова стояла у края стола, рядом — стажёр, которому разрешили присутствовать как ассистенту по фиксации материалов. Он старался держаться ровно, но взгляд то и дело скользил по доскам: ему казалось, что если он успеет прочитать все фамилии, то поймёт, как устроена эта машина.

Напротив, за столом, сидел полковник — человек, который умел слушать так, будто каждое слово он тут же раскладывал по папкам в голове. Рядом с ним — эксперт по цифровой криминалистике, щуплый мужчина в очках, сжимавший в руках планшет, как щит.

— Докладывайте, — коротко бросил полковник, постучав ручкой по краю папки. — Только суть. Без воды. Воронцова кивнула. — У нас есть защищённый файл из рабочей дирекции главного бухгалтера. Внутри — реестр корректировок с формулировкой «по распоряжению» и без реквизитов. Суммы крупные, период — третий квартал. В примечаниях — отсылка на «С.В.», в переписке — подтверждение от лица с инициалами С. Эксперт поднял голову. — Мы успели снять образ диска до любых изменений. Файл не просто «временный» — он был создан с правами администратора, но сохранён в пользовательской папке. Это маскировка. Полковник нахмурился. — То есть кто-то с доступом к админке специально прятал улику в «мусорной» папке? — Именно, — кивнул эксперт. — И самое важное: мы восстановили историю изменений. Последние правки вносились не с рабочего места бухгалтера, а с удалённого терминала. IP-адрес ведёт на публичный WiFi в бизнесцентре «Северный». — Волков? — спросил полковник. — Вероятно, — ответил эксперт. — Но не факт, что лично. Мог использовать подставной аккаунт. Однако совпадение по времени с его появлением в нашем здании — слишком точное.

Воронцова достала распечатку — ту самую таблицу, где в графе «Основание» везде стояло «по распоряжению». — Это не просто ошибки, товарищ полковник. Это схема. Кто-то внутри отдела отдавал распоряжения устно или по телефону, бухгалтер вносила корректировки, а потом их маскировали под «технические правки». Файл в «Temp» — это черновик реестра, который забыли удалить. Или оставили как страховку. Полковник постучал пальцами по столу — раз, два, три. Это был его способ думать вслух. — Значит, у Волкова есть контакт внутри. И этот контакт либо не понимает, во что ввязался, либо участвует осознанно. — Есть ещё один момент, — тихо сказал стажёр. Все обернулись. Он сглотнул, но голос не дрогнул. — В переписке фраза «всё в силе». Это может означать, что схема не остановлена. Что переводы могут продолжаться. Полковник посмотрел на него с интересом — не как на мальчишку, а как на человека, который увидел дыру в логике. — Молодец, — коротко сказал он. — Именно это нас и беспокоит. Пока мы собираем улики, деньги могут уходить.

Эксперт снова заговорил: — Мы можем отследить цепочку платежей по этим суммам. Если они шли через один и тот же банк и одну и ту же группу контрагентов, мы увидим повторяющиеся реквизиты. Это и будет канал вывода. — Действуйте, — приказал полковник. — Дайте мне список контрагентов и даты. Я свяжусь с финмониторингом — попросим приостановить операции по этим счетам. Он повернулся к Воронцовой: — А вы — по внутреннему контуру. Нам нужно понять, кто отдавал эти устные распоряжения. Бухгалтер уже дала показания, что ей звонили и говорили: «Внеси корректировку, это согласовано». Кто звонил? Кто знал, что она не станет спорить? Воронцова кивнула. — Я поговорю с Игорем Петровичем. Он

нервничал из-за расхождений — возможно, он слышал, как кому-то «спускали» эти распоряжения. Или видел, кто заходил к бухгалтеру перед внесением правок.

Полковник откинулся на спинку кресла. На секунду в его взгляде мелькнуло что-то похожее на усталость — но тут же исчезло. — План такой, — сказал он, и в голосе зазвучала сталь. — Мы перекрываем канал вывода денег через заморозку счетов. Одновременно фиксируем цифровые следы: историю файла, логи входа, переписку. Параллельно ищем внутреннего координатора. И только после этого — задержание Волкова. Он нам нужен не сам по себе, а с доказанной связью с внутренним звеном. Чтобы ни один адвокат не смог сказать, что он «просто консультировал».

Стажёр поднял руку — осторожно, как на уроке. — А если... если внутренний контакт поймёт, что мы его ищем? Если он начнёт стирать следы? Полковник посмотрел на него прямо. — Тогда он совершит ошибку. А ошибки — это наши улики. Главное — не дать ему времени. Поэтому работаем быстро, но без суеты. Каждый шаг — с фиксацией. Никаких «я сам проверю». Всё через протокол.

Воронцова чуть улыбнулась — краешком губ. — Поняла, товарищ полковник. Работаем по регламенту, но без паралича. — Вот именно, — кивнул он. — Регламент — не чтобы стоять на месте. Регламент — чтобы не потерять доказательства.

Через пять минут они вышли из кабинета. В коридоре уже ждали оперативники, эксперты, сотрудники банка — все, кто должен был замкнуть кольцо. Воронцова остановилась на секунду, чтобы поправить папку с материалами. Стажёр замер рядом, будто ждал команды «вперёд». — Слушай, — тихо сказала она, — сейчас будет много рутины. Звонки, запросы, сверки, протоколы. Это не кино, где всё решается одним звонком. Это работа, где победа — в том, что ни одна цифра не потеряется. — Я готов, — твёрдо ответил он. — Хорошо, — кивнула она. — Тогда начнём с самого скучного: запросим у банка выписку по всем платежам с пометкой «корректировка» за последние три месяца. И параллельно — журнал входящих звонков бухгалтерии. Кто звонил в дни, когда вносились правки.

Они пошли по коридору — не спеша, но без остановок. Где-то в другом крыле здания уже звонили в банк, юристы готовили запросы, а финмониторинг начинал проверку счетов. Механизм был запущен.

А где-то в городе, не подозревая, что сеть уже смыкается, Сергей Волков сидел в кафе, смотрел на телефон и думал, что всё идёт по плану. Он не знал, что план уже сломан — тихим щелчком мышки, паролем «0828» и одной таблицей, которую никто не должен был найти.

Глава 6.

В кабинете финмониторинга пахло не кофе, а напряжением — густым, как остывший сироп. На мониторах бежали столбцы цифр, строки подсвечивались красным, когда система ловила совпадение по рисковым признакам. Специалист в наушниках кивал, слушая голос из трубки, и короткими движениями мышки ставил галочки: «приостановить», «заблокировать», «уведомить».

А в это время, в десяти километрах отсюда, Сергей Волков сидел в полутёмном кафе на окраине — там, где WiFi еле тянул, а официанты не смотрели в глаза. Перед ним был ноутбук, экран которого сейчас казался ему зеркалом, в котором отражается всё, что идёт не так.

Он ввёл команду. Система моргнула, подумала и выдала: «Операция отклонена. Счёт временно заблокирован по запросу регулятора». Волков выругался тихо, сквозь зубы — не от злости, а от страха, который всегда приходит, когда ты понимаешь: тебя уже видят.

Он попробовал другой счёт — тот, что держали «на крайний случай». Та же фраза. Потом третий, четвёртый. Везде — блокировка. Сеть сжималась быстрее, чем он успевал нажимать Enter.

«Они знают, — пронеслось у него в голове. — Кто-то сдал цепочку. Или нашли файл».

Паника подталкивала к самому глупому: вывести хоть что-то, хоть копейку, чтобы доказать себе, что он ещё управляет ситуацией. Он открыл скрытый чат, быстро напечатал: «Канал перекрыт. Нужны новые реквизиты. Срочно». Ответа не было. Он написал ещё раз — уже капсом. Потом ещё. Тишина.

И тут телефон завибрировал. Номер был незнакомый, но он ответил — потому что в такие минуты хватаешься за любой звук. — Да, — сказал он резко. — Сергей, — голос был спокойный, почти скучающий. — Не делай глупостей. Счета заморожены. Ты ничего не выведешь. Волков похолодел. Этот голос он знал. — Ты... ты знал? — прошептал он. — Я знал, что рано или поздно это случится, — ответил собеседник. — Но ты сам всё испортил. Слишком много движений за последние часы. Ты оставил следы. — Значит, ты меня сдаёшь? — в голосе Волкова прорвалась горечь. — Я не сдаю, — спокойно сказал голос. — Я просто не собираюсь гореть вместе с тобой. У меня есть другие выходы. Связь оборвалась. Волков посмотрел на экран: таймер сессии отсчитывал секунды. Он закрыл крышку ноутбука, резко, будто хотел раздавить его. Встал. Почувствовал, как дрожат пальцы.

Ему нужно было исчезнуть. Прямо сейчас. Он вышел через служебный вход, не глядя на официантов, не замечая, как звякнул колокольчик над дверью. Улица встретила его шумом, ветром и ощущением, что за каждым углом стоит человек, который знает, куда он пойдёт.

В штабе тем временем Воронцова стояла у доски, где мелом были выведены названия банков, номера счетов и стрелки, показывающие, как деньги перетекали из одного кармана в другой. Стажёр сидел рядом, держал в руках распечатку уведомлений о блокировках и читал их вслух, будто боялся, что, если не произнесёт — они перестанут быть правдой.

— Счёт в «ПромСеверБанке» — заблокирован. Счёт в «РегионФинанс» — заблокирован. По всем операциям с пометкой «корректировка» — стоп. Финмониторинг подтвердил: новых транзакций нет. Воронцова кивнула. Её лицо оставалось спокойным, но в глазах мелькнуло то самое чувство, которое приходит, когда ты точно знаешь: ты перекрыл воздух.

Эксперт по цифровой криминалистике постучал по экрану планшета: — Он пытался вывести остатки. Три попытки за семь минут. И ещё — он писал в закрытый чат. Мы перехватили метаданные. Время, IP, устройство. Он сейчас не дома. Скорее всего, в общественном месте. И он нервничает. Нервные люди делают ошибки. Полковник, стоявший у окна, повернулся. — Значит, он понял, что канал перекрыт, — произнёс он ровно. — И теперь он будет

искать новый. Или попытается замести следы. Или побежит. — Именно, — сказала Воронцова. — А когда человек бежит, он оставляет больше следов, чем когда прячется.

Стажёр поднял голову. — А если он... если он решит навредить кому-то? Например, тому, кто его прикрывал? Или бухгалтеру? Вдруг он захочет заставить кого-то замолчать? Все на секунду замерли. Это была не паника — это была профессиональная настороженность. — Хороший вопрос, — спокойно сказала Воронцова. — Поэтому мы не ждём, пока он решит, что делать. Мы работаем на опережение. Она взяла рацию. — Группа наблюдения, приём. Есть вероятность, что подозреваемый попытается выйти на контакт с внутренними лицами или покинуть город. Проверьте камеры на вокзалах, автостанциях, парковках у крупных ТЦ. Особое внимание — маршрутам к выездам из города. Голос в рации ответил: «Принято. Работаем».

Полковник посмотрел на доску, потом на Воронцову. — Вы молодец, Елена Сергеевна. Вы не просто нашли папку. Вы вскрыли схему. Теперь главное — не дать ему ускользнуть на эмоциях. Пусть он думает, что у него ещё есть шанс. Пусть делает ещё один шаг. И мы его поймем.

Воронцова чуть улыбнулась — не радостно, а с тем удовлетворением, которое приходит от хорошо сделанной работы. — Он уже сделал шаг, товарищ полковник, — сказала она. — Три попытки перевода — это и есть его шаг. Теперь наша очередь.

Стажёр снова посмотрел на распечатку. Строки с пометками «заблокировано» теперь казались ему не сухими уведомлениями, а барьерами, которые они сами поставили на пути преступника. — Получается, — тихо сказал он, — иногда самое сильное оружие — это просто «нет». Воронцова посмотрела на него внимательно. — Иногда — да, — согласилась она. — Особенно когда это «нет» подкреплено законом, регламентом и парой десятков людей, которые делают свою работу.

Где-то в здании зазвонил телефон. Кто-то докладывал о движении на камерах. Где-то операторы финмониторинга фиксировали каждую попытку обойти блокировку. А Сергей Волков, сидя в такси, которое он поймал у кафе, смотрел в окно и понимал: город больше не прячет его. Он стал слишком заметным.

И в этот момент, когда он уже хотел попросить водителя ехать к старому знакомому, телефон снова завибрировал. На этот раз — не чат и не банк. Это был звонок с незнакомого номера. Он помедлил, потом всё-таки ответил. — Алло, — голос прозвучал хрипло, будто он уже оправдывался. — Сергей Волков? — голос был официальным, спокойным. — Это правоохранительные органы. Мы знаем, где вы находитесь. Не делайте резких движений. Оставайтесь в машине. К вам сейчас подойдут. Волков медленно опустил телефон. Водитель покосился на него, будто почувствовал, что пассажир вдруг стал тяжелее. — Что-то не так? — спросил он. Волков хотел что-то сказать, но не нашёл слов. Он просто кивнул. — Всё так, — наконец произнёс он. — Просто... пора выходить.

Глава 7.

Такси остановилось у обочины — не по воле водителя, а потому что дорогу перегородили две неприметные машины, из которых выскочили люди в форме. Один из них подошёл к двери со стороны пассажира, постучал — коротко, без угрозы, но так, что сразу становилось ясно: спорить бесполезно. — Сергей Волков? Выходите, пожалуйста. Руки держите на виду. Волков помедлил. Секунда, две — будто пытался придумать, как эта сцена могла бы пойти по-другому. Потом медленно открыл дверь.

Его аккуратно сопроводили к служебному автомобилю, зафиксировали данные, сняли отпечатки, изъяли телефон и ноутбук. Всё это делалось без лишней суеты — как будто каждый шаг был отрепетирован заранее. И, по сути, так и было: группа задержания отработывала этот сценарий с тех самых пор, как финмониторинг начал фиксировать попытки перевода.

В комнате для допросов было светло, но не ярко — ровно настолько, чтобы не хотелось щуриться. На столе — диктофон, папка с материалами, стакан с водой. Волков сел, положил руки на колени, посмотрел на Воронцову и следователя так, будто пытался угадать, какой тактики они будут придерживаться: давить или уговаривать. Следователь начал стандартно: — Вам разъяснены права. Вы понимаете, в чём вас подозревают? Волков кивнул, не глядя на протокол. — Понимаю. Финансовые махинации. Вывод средств. Голос у него был ровный, почти спокойный — так говорят люди, которые заранее придумали, как будут защищаться. — Тогда расскажите, как это работало, — спокойно сказала Воронцова. — С самого начала. Кто придумал схему? Волков усмехнулся — коротко, горько. — Я не придумывал, — произнёс он. — Я только исполнял. Мне давали распоряжения. Следователь чуть приподнял бровь. — Кто? — Тот, кто всё контролировал, — Волков сделал паузу, словно взвешивал, сколько можно сказать, чтобы не утонуть самому. — Мне звонили. Писали в закрытом чате. Указания были чёткие: какие суммы, какие даты, какие контрагенты. Я делал проводки, маскировал их под корректировки. А кто отдавал приказы — я не знаю лично. Только по переписке. Воронцова не стала торопить. Она знала: когда человек начинает оправдываться, он часто выдаёт больше, чем хочет. — Значит, вы не знали, кто за этим стоит? — уточнила она. — Только исполняли? — Знал, что это кто-то из руководства, — буркнул Волков. — Слишком точные данные были. Никто на моём уровне не имел доступа к таким деталям по проектам. Это был кто-то, кто видел все бюджеты. Кто мог прикрывать изменения. Следователь открыл папку, достал распечатку — ту самую таблицу из папки «Temp», где в графе «Основание» везде стояло «по распоряжению». — Вот здесь, — он постучал пальцем по бумаге, — вы сами писали эту формулировку. «По распоряжению». Это была ваша внутренняя метка? Волков сжал губы. — Да. Чтобы понимать: это не моя инициатива. Это сверху. — И вы надеялись, что эта пометка вас защитит? — тихо спросила Воронцова. Он наконец посмотрел ей прямо в глаза. — Надеялся, — признался он. — Думал, если что, покажу: я только исполнял. У меня есть переписка. Есть логи. Есть указания. — Покажете? — спокойно сказала она. Волков помолчал, потом кивнул. — Покажу. Но я хочу сделку. Я даю всю переписку, все контакты, все цепочки. Взамен — смягчение. Я не главный. Я просто звено. Следователь не стал обещать. Он просто записал: «Готов предоставить цифровые доказательства в обмен на ходатайство о сотрудничестве».

Когда Волкова увели, Воронцова осталась в комнате одна — на пару минут, чтобы разложить в голове всё, что он сказал. «Исполнял», «сверху», «кто видел все бюджеты». Это были не просто слова — это был ключ.

Она вернулась в штаб, где стажёр сидел у доски и пытался сопоставить даты переводов с журналом входящих звонков бухгалтерии. — Ну что? — поднял он голову. — Он признался? — Частично, — сказала Воронцова, садясь рядом. — Он пытается свалить вину на того, кто

отдавал распоряжения. Говорит, что был просто исполнителем. Стажёр нахмурился. — Но ведь он сам делал переводы. Сам маскировал. — Да, — кивнула она. — Но он прав в одном: без покровителя внутри такая схема не жила бы долго. Кто-то должен был прикрывать эти «корректировки», закрывать глаза на расхождения, убеждать руководство, что всё в порядке. — То есть... — стажёр запнулся, будто боялся произнести вслух. — Это кто-то из своих? Кто-то высокий? — Очень высокий, — подтвердила Воронцова. — Тот, у кого есть доступ ко всем бюджетам. Тот, кто мог сказать: «Внеси изменения, это согласовано».

Полковник вошёл в комнату, негромко прикрыл за собой дверь. — Что у нас по показаниям? — спросил он. Воронцова кратко пересказала. Полковник слушал, не перебивая. Когда она закончила, он задумчиво постучал пальцами по папке. — Значит, Волков хочет выторговать себе смягчение за счёт того, кто стоял выше. И он готов отдать переписку. — Готов, — подтвердила она. — У него есть логи, чаты, возможно, даже голосовые. — Хорошо, — сказал полковник. — Пусть отдаёт. Нам нужны не только его слова, а цифровые следы. Пусть эксперты проверят, с каких устройств велась переписка, кто её инициировал, были ли удалённые сообщения. Он посмотрел на стажёра. — А вы, молодой человек, продолжайте работать с журналом звонков. Найдите все входящие в дни, когда вносились корректировки. Особенно — внутренние номера. Если распоряжения отдавались по телефону, должен быть след. Стажёр кивнул, стараясь не выдать волнения. — Сделаю, — твёрдо сказал он.

Через час эксперты уже изучали данные с телефона Волкова. На экране мелькали чаты, логи, скриншоты. И среди них — одна фраза, которая заставила всех замолчать: «Не тани. Сделай сегодня. Я всё прикрою». Сообщение было отправлено с внутреннего корпоративного номера. Номера, который принадлежал... Аркадию Семёновичу.

Воронцова посмотрела на экран, потом на полковника. В её взгляде не было удивления — только холодная ясность. — Он прикрывал, — тихо сказала она. — Все эти «корректировки». Все эти расхождения. Он знал. И не просто знал — он отдавал распоряжения. Полковник медленно кивнул. — Значит, схема была не просто внутри отдела. Она была на уровне руководства.

Где-то в здании Аркадий Семёнович как раз подписывал очередную пачку бумаг, думая, что худшее уже позади. Он не знал, что в этот момент по коридору шли люди, у которых в руках была не жалоба и не выговор, а ордер. И что главным доказательством против него стала не папка с отчётом, а короткая фраза в чате: «Я всё прикрою».

Глава 8.

Комната для допросов была устроена так, чтобы в ней хотелось говорить правду — не из страха, а от усталости. Никаких решёток, никаких криков, только стол, три стула, диктофон и стопка бумаг, лежащая перед Воронцовой так ровно, будто это не улики, а бухгалтерский отчёт.

Аркадий Семёнович сел, расправил манжеты, провёл ладонью по волосам — жест человека, который привык, что его внешний вид сам по себе служит аргументом. Он посмотрел на Воронцову не как на следователя, а как на подчинённую, которая по недоразумению оказалась по ту сторону стола. — Я готов дать пояснения, — произнёс он сдержанно. — Но прошу учитывать обстоятельства. Меня поставили в безвыходное положение. Следовательно, сидевший рядом, едва заметно приподнял бровь, но говорить не стал — знал, что Воронцова любит начинать с фактов, а не с эмоций.

— Поясните, пожалуйста, — спокойно сказала она, открывая папку. — Что за обстоятельства? Кто поставил вас в это положение? Аркадий Семёнович чуть наклонил голову, подбирая слова. — Человек, от которого зависело финансирование всего направления. Если бы я не «согласовывал» эти корректировки, проект бы закрыли. Люди потеряли бы работу. Я пытался минимизировать ущерб. Воронцова кивнула — ровно, без осуждения, будто записывала в блокнот не оправдание, а пункт плана. — То есть вы действовали из соображений сохранения коллектива. Понимаю. А скажите, пожалуйста, когда именно вы поняли, что речь идёт не о временных корректировках, а о схеме вывода средств? Он на секунду запнулся. Этот вопрос не вписывался в заготовленную речь. — Я... я не сразу увидел всю картину. Сначала это были мелкие правки. Потом... потом стало сложнее отказаться. — «Сложнее отказаться», — повторила Воронцова, глядя не на него, а на лист бумаги. — У нас есть сообщение, отправленное с вашего корпоративного номера: «Не тяни. Сделай сегодня. Я всё прикрою». Вы помните этот день? Аркадий Семёнович побледнел — не сильно, но достаточно, чтобы тень легла на скулы. — Это... это фигура речи. Я имел в виду, что разберусь с отчётностью. Что не дам ситуации выйти из-под контроля. — Интересное толкование, — тихо сказала Воронцова. — Потому что в тот же день бухгалтер внесла три перевода на общую сумму в два с половиной миллиона. И все они были помечены как «по распоряжению». Она пододвинула к нему распечатку — ту самую таблицу, которую когда-то нашёл стажёр. — Вот здесь, — она постучала карандашом по графе «Основание», — стоит эта формулировка. И она появляется ровно в те дни, когда с вашего номера приходят сообщения с требованием «не тянуть». Совпадение? Аркадий Семёнович сжал пальцы в замок. Теперь в его осанке не было уверенности — только напряжение, которое он пытался выдать за достоинство. — Я не утверждал эти переводы. Я лишь... сглаживал острые углы. — Сглаживали, — кивнула Воронцова. — А теперь посмотрите сюда. Она достала ещё один лист — выписку из журнала доступа к системе. — В день, когда была проведена самая крупная корректировка, ваш логин авторизовался в системе за десять минут до внесения изменений. И оставался в сессии ещё двадцать минут после. Вы лично подтверждали операцию. Аркадий Семёнович посмотрел на выписку так, будто надеялся, что цифры расплывутся, превратятся в случайный набор символов. Но они стояли ровно, чёрными, нерушимыми строками. — Этого не может быть, — пробормотал он. — Я не входил. Возможно, кто-то использовал мой аккаунт. — Мы проверили логи, — спокойно сказала Воронцова. — Вход был с вашего рабочего компьютера. IP-адрес совпадает. И, что важно, после входа не было попыток смены пароля или подозрительных действий — будто человек знал, что ему не нужно замечать следы. Будто он и был владельцем аккаунта. Стажёр, сидевший в углу и старательно фиксирующий каждое слово, вдруг тихо добавил: — Ещё... ещё в журнале звонков есть запись. В тот день вам звонили с номера Волкова. Разговор длился четыре минуты. Сразу

после него вы вошли в систему. Воронцова посмотрела на него с одобрением он сказал ровно то, что нужно, без лишних эмоций. Аркадий Семёнович откинулся на спинку стула. Теперь он выглядел не как руководитель, оправдывающийся перед подчинёнными, а как человек, который только что понял, что все его аргументы разбиваются о собственные же следы. — Вы хотите сказать, что я всё это организовал? — произнёс он устало. — Что я сознательно выводил деньги? — Нет, — спокойно ответила Воронцова. — Я хочу сказать, что вы знали о схеме. Вы прикрывали её. Вы давали распоряжения — устные и письменные. И вы лично подтверждали операции. А вот мотивы — это уже ваша территория. Хотите говорить про «безвыходное положение» — говорите. Но факты останутся фактами. Она пододвинула к нему протокол, ручку. — Опишите, пожалуйста, кто и как оказывал на вас давление. Назовите имя. Если это правда, что вами манипулировали — нам важно знать, кто стоял за этим. Аркадий Семёнович долго смотрел на ручку, будто она могла подсказать ему правильный ответ. Потом медленно покачал головой. — Имени я не назову, — тихо сказал он. — Не из-за защиты. А потому что... его и не было. Не было никакого таинственного покровителя, который держал меня на крючке. Был план по выручке, который мы не выполняли. Были письма сверху с требованием «найти резервы». И был Волков, который пришёл и сказал: «Я знаю, как закрыть дыру. И никто не узнает». Он поднял глаза — в них не было ни злости, ни пафоса, только горькая усталость. — А я... я согласился. Потому что думал, что смогу контролировать. Что смогу вовремя остановиться. Что если я сам буду следить за процессом, ничего плохого не случится. Воронцова не стала его перебивать. Она знала: иногда самое сильное доказательство — это когда человек перестаёт оправдываться и начинает говорить правду. — И когда вы поняли, что не можете остановиться? — тихо спросила она. — Когда увидел, как Игорь Петрович прячет папку, — признался Аркадий Семёнович. — Когда понял, что страх уже живёт в отделе. Что люди не спрашивают «как сделать правильно», а спрашивают «как бы не попасться». Тогда я понял, что дыра стала больше, чем весь наш проект.

Следователь сделал пометку в протоколе. Воронцова закрыла папку. В комнате стало тише — не от напряжения, а от того, что главная ложь наконец рассыпалась. — Спасибо за пояснения, — сказала она. — Это важно. Не для того чтобы смягчить вину, а чтобы восстановить полную картину. Аркадий Семёнович кивнул, будто принимая не приговор, а тяжёлый, но необходимый факт.

Когда его увели, стажёр подошёл к Воронцовой, держа в руках стопку распечаток. — Получается... он не злодей, — тихо сказал он. — Он просто... сломался под давлением. Воронцова сняла очки, протёрла их краем блузки — её маленький ритуал, когда нужно было перевести дух. — Злодей — тот, кто придумал схему, — спокойно сказала она. — А Аркадий Семёнович — тот, кто позволил ей жить. И это тоже ответственность. Только другого рода. — А что теперь? — спросил стажёр. — Теперь мы фиксируем каждое его слово, каждое признание, — ответила она. — И проверяем всё, что он сказал. Потому что даже в правде могут быть неточности. А в нашем деле неточность — это дыра, через которую улики утекают, как деньги по счетам.

За окном город продолжал жить своей обычной жизнью. Где-то подписывали отчёты, где-то спорили о бюджетах, где-то надеялись, что «на этот раз всё сойдётся». Но в этом здании, в этой комнате, одна схема уже перестала быть тайной. И теперь оставалось самое скучное, самое важное и самое надёжное — разложить всё по папкам, чтобы ни одна деталь не потерялась.

Глава 9.

Зал совещаний был не парадным — без флагов и портретов, зато с огромной доской, на которой мелом, цветными маркерами и скрепками была выстроена вся история: от пропавшей папки до фразы «Я всё прикрою» в чате. Полковник стоял у доски, не пытаясь казаться грозным — он просто хотел, чтобы каждый, кто сидит за столом, видел всю картину целиком, а не только свой кусочек.

За столом — следователь, эксперт по цифровой криминалистике, Воронцова, стажёр (теперь официально — ассистент по фиксации материалов), представители финмониторинга и службы безопасности. На столах — папки, ноутбуки, стаканы с остывшим кофе.

— Начнём, — сказал полковник, постучав маркером по краю доски. — Нам нужно не просто закрыть дело, а показать, как из одной пропавшей папки и одной странной таблицы мы восстановили всю цепочку. Пусть это станет учебником, как не дать схеме жить дальше.

Воронцова открыла свою папку — ту самую, в которой теперь хранились не отчёты, а вехи расследования: копия расписки из канцелярии, скриншот с камер, распечатка таблицы из «Темр», протокол допроса Волкова, выписка по входам в систему. — Отправная точка — пропажа отчёта, — спокойно сказала она. — На первый взгляд — обычная паника из-за документа. Но паника была слишком острой. Игорь Петрович прятал папку не потому, что боялся разноса, а потому что знал: в ней — следы расхождений. И эти расхождения были не ошибкой, а симптомом. Эксперт кивнул и вывел на экран слайд: схема движения денег. — Мы проследили все платежи, помеченные как «корректировка». Они шли через три подставных контрагента, зарегистрированных на номинальных лиц. Деньги выводились небольшими траншами, чтобы не привлекать внимание финмониторинга. Но когда суммы начали расти, система сработала. Полковник повернулся к представителю финмониторинга: — Ваша роль? — Мы зафиксировали аномальные операции по счетам, — ответил тот. — И когда получили официальный запрос, оперативно заморозили все связанные счета. Это перекрыло основной канал вывода. — Хорошо, — кивнул полковник. — Теперь — цифровая часть. Как мы нашли вторую улику? Стажёр чуть выпрямился. Это был его момент — не геройства, а профессиональной точности. — Я проводил инвентаризацию файлов, — начал он. — В рабочей папке главного бухгалтера была папка «Темр» — она не должна была весить столько. Внутри — защищённый Excel-файл. Пароль подобрали по дате, которая часто упоминалась в отделе. В файле — реестр всех «корректировок» и примечание: «Согласовано через С.В.». Эксперт добавил: — Мы сняли образ диска, восстановили историю изменений файла. Последние правки вносились удалённо, с публичного WiFi. Это подтвердило, что Волков управлял схемой извне, но имел доступ к данным. Полковник посмотрел на Воронцову: — А как мы вышли на Аркадия Семёновича? — Через переписку Волкова, — ответила она. — Он пошёл на сотрудничество и предоставил логи чатов. Там была фраза: «Я всё прикрою», отправленная с корпоративного номера Аркадия Семёновича. Дальше — журнал доступа к системе: в дни крупных переводов его логин авторизовался на рабочем компьютере и подтверждал операции. Плюс — запись звонка с Волкова на номер Аркадия Семёновича за десять минут до внесения изменений. Следователь открыл протокол: — Аркадий Семёнович в итоге признал, что знал о схеме, прикрывал её и лично подтверждал операции. Его мотив — не корысть, а попытка удержать проект на плаву и скрыть невыполнение плана. Он считал, что контролирует ситуацию, пока не увидел, как страх распространяется по отделу. Полковник снова постучал маркером — теперь по фамилии Аркадия Семёновича, обведённой красным. — Значит, распределение ролей такое: Волков — организатор схемы, отвечал за контрагентов, маршруты вывода и маскировку платежей. Аркадий Семёнович — внутренний координатор: прикрывал операции, давал распоряжения, подтверждал переводы. Бухгалтер — исполнитель: вносила корректировки по устным указаниям. Игорь Петрович —

невольный участник: пытался скрыть расхождения, потому что боялся последствий. Он помолчал, давая всем осмыслить. — Теперь самое важное: как мы всё это собрали из одной папки и одной таблицы? Воронцова снова заговорила — ровно, без пафоса, будто раскладывала по полочкам: — Папка с отчётом стала точкой входа в проблему. Она показала, что есть расхождения, которые кто-то пытается спрятать. Таблица из «Тепр» показала масштаб и структуру схемы. Камеры и журнал звонков — связь между людьми. Цифровые следы — подтверждение действий. И только когда все эти кусочки легли рядом, картина стала полной. Стажёр тихо спросил: — Получается, ни одна деталь сама по себе не была доказательством. Только вместе они стали делом. Полковник посмотрел на него внимательно. — Именно, — сказал он. — Одно видео с камер — это просто человек у двери. Одна таблица — черновик. Один звонок — обычный разговор. А вместе — преступление. Поэтому наша работа — не искать «главную улику», а собирать всё: документы, цифры, следы, слова. И хранить их так, чтобы ни один адвокат не смог сказать: «А где подтверждение?»

Представитель службы безопасности положил на стол проект нового регламента: — Мы уже подготовили изменения. Доступ к корректировкам будет только по согласованию с двумя независимыми лицами. Все изменения в отчётности — с обязательной электронной подписью и фиксацией причины. Папки с критичными документами — под двойной учёт: канцелярия плюс электронный реестр. И регулярные выборочные проверки. Полковник кивнул: — Внедрить. И назначить ответственного. Он посмотрел на стажёра. — Вы хорошо показали себя в этом деле. Будете курировать внедрение новых процедур в своём отделе — под руководством Воронцовой. Это не награда, это ответственность: вы видели, как ломается система. Теперь вы будете помогать её укреплять. Стажёр кивнул — твёрдо, без лишней радости, потому что понял: это не комплимент, а доверие.

Когда совещание закончилось, Воронцова задержалась у доски. Она взяла ластик и стёрла одну стрелку — ту, что вела от папки к панике. Вместо неё она написала: «Папка Расхождения Таблица Следы Доказательства». — Так точнее, — тихо сказала она сама себе.

Стажёр подошёл, держа в руках новую папку — уже не для улики, а для регламентов. — Что дальше? — спросил он. — Дальше — рутина, — усмехнулась Воронцова. — Проверка журналов, сверка доступов, контроль подписей. Скучно, медленно, надёжно. Именно так и не дают схемам появляться снова.

Они вышли в коридор, где всё было как обычно: шаги, голоса, шуршание бумаг. Только теперь стажёр шёл чуть увереннее, а Воронцова — с той спокойной усталостью человека, который знает: самое трудное — не поймать, а доказать. И они это сделали.

Глава 10.

Пол года спустя отдел будто стал другим — не внешне, а по ощущениям. В коридорах всё так же шуршали бумаги, звенели телефоны, и кто-то вечно опаздывал к совещанию. Но теперь в этом шуме звучала другая нота — собранности. Будто каждый, проходя мимо архива, на секунду вспоминал: здесь не просто папки, здесь — следы.

Воронцова стояла у доски в новом учебном классе — помещение выделили специально для инструктажей. Перед ней сидели трое новичков: двое с горящими глазами, один — с настоящим спокойствием человека, который уже знает, что в отчётах прячется больше, чем кажется. — Сегодня разберём не теорию, — сказала Воронцова, постучав маркером по доске. — Разберём реальный кейс. Его теперь дают как пример: «Как из одной пропавшей папки вырастает уголовное дело». Стажёр — точнее, теперь уже Алексей, без приставки «стажёр» — вошёл с папкой в руках, кивнул новичкам и сел на край стола. Он уже не сжимал кулаки от напряжения, но и не расслабился до небрежности: в нём появилась та самая профессиональная осанка, когда ты знаешь, что от твоего внимания зависит цепочка доказательств. — Это я тогда нашёл файл, — спокойно сказал он, когда Воронцова дошла до момента с папкой «Temp». — И чуть не испортил всё, пытаюсь разобраться сам. Урок первый: если видишь что-то странное — не геройствуй. Фиксируй, докладывай, не трогай. Один из новичков поднял руку: — А если никто не поверит? Если скажут: «Ты выдумываешь»? Алексей чуть улыбнулся — не весело, а с пониманием. — Тогда фиксируй дважды. Запиши дату, время, кто видел, где лежит. Сделай скриншот. И принеси не как «я думаю, тут что-то не так», а как «вот факт, вот место, вот время». Факты сложнее отмахнуть, чем ощущения. Воронцова кивнула: — Именно. В нашем деле доверие строится не на эмоциях, а на следах. Кто-то открыл файл. Кто-то позвонил. Кто-то сдвинул коробку. Если ты умеешь видеть эти микроследы и не пытаться их «исправить» своим любопытством — ты уже на полпути к разгадке. Она провела линию на доске — от «пропажа папки» до «задержание и передача дела в суд». — Схема Волкова и Аркадия Семёновича держалась на том, что все думали: «Это не моё дело», «Это просто корректировка», «Главное, чтобы сошлось». А рухнула она потому, что кто-то перестал принимать «сошлось» как ответ.

После инструктажа Алексей задержался в классе, раскладывая раздаточные материалы: новые регламенты, памятки по цифровой фиксации, чеклисты для инвентаризации. — Ты теперь сам их учишь, — заметила Воронцова, проходя мимо. — Не учу, — поправил он. — Рассказываю, как чуть не сломал улику и что мне тогда сказали. Иногда этого хватает, чтобы человек не повторил мою ошибку. Воронцова хмыкнула — одобрительно. — Хороший подход. Не «я всё знаю», а «вот где я споткнулся». Это запоминается лучше. Её телефон тихо завибрировал. Она посмотрела на экран, чуть нахмурилась, потом кивнула сама себе — так, как делают люди, которые не боятся новых задач. — Новое задание, — коротко сказала она. — Складские акты за прошлый год. В системе одна цифра, в бумажных — другая. И кто-то очень торопливо пытается закрыть расхождения задним числом. Алексей тут же подобрался — не панически, а собранно. — Где начинаем? — С фиксации текущего состояния, — спокойно ответила Воронцова. — Скриншоты, фото документов, журнал изменений. И ни одного самостоятельного звонка «просто уточнить». Сначала протокол, потом действия. Он кивнул. — Понял. И... спасибо, что не дали тогда мне всё испортить. — Пожалуйста, — усмехнулась она. — Но в следующий раз спасибо говорить будешь не мне, а регламенту. Он и есть тот, кто не даёт нам ошибаться.

Они вышли из учебного класса и пошли по коридору — не спеша, но без остановок. Где-то впереди уже ждали документы, расхождения и чьи-то попытки всё «подтянуть». Но теперь

Воронцова и Алексей знали: не надо спешить закрывать дыры. Надо аккуратно подсвечивать их — строчка за строчкой, след за следом.

И где-то в другом крыле здания новички разбирали памятку, а один из них делал пометку на полях: «Если что-то странно — не геройствовать. Фиксировать. Докладывать. Не трогать».

История с папкой стала не просто делом в папке с грифом. Она стала правилом.

Глава 10.

Кабинет Воронцовой пахнул не напряжением, а кофе и лёгким отчаянием — будто кто-то очень старался сделать всё правильно, но Вселенная решила, что сегодня «правильно» будет выглядеть как комедия положений. На столе лежала папка с грифом «Срочно», а сверху на ней мирно дремал кот. Не какой-нибудь случайный бродяга, а Барсик — официальный талисман бухгалтерии, который, по слухам, умел находить расхождения в отчётах быстрее аудиторов.

Алексей замер в дверях, не решаясь кашлянуть: он уже усвоил правило — не тревожь кота, если хочешь сохранить нервы. — Он пришёл сам, — вздохнула Воронцова, не поднимая глаз от экрана. — Я думаю, Барсик теперь наш внештатный ревизор. У него нюх на сомнительные проводки. — А если он... съест улику? — осторожно спросил Алексей. — Тогда это будет самая дорогая улика в истории отдела, — мрачно пошутила Воронцова. — Но пока он только греет папку. Это даже полезно: греет совесть тем, кто её туда положил.

Папка была от начальника службы безопасности — и в ней не было ни схем, ни взломов, ни тайных чатов. В ней была... жалоба. От завхоза. На то, что «в отделе планово-экономического планирования слишком много канцелярских скрепок». И не просто много, а «подозрительно много». — «Подозрительно много скрепок», — прочитала Воронцова вслух, будто пыталась придать этим словам хоть каплю серьёзности. — И приписка: «Возможно, идёт подготовка к массовому скручиванию документов». Алексей прикусил губу, чтобы не рассмеяться. — То есть... нас подозревают в том, что мы планируем скрутить все отчёты в одну гигантскую пружину и унести? — Примерно так, — кивнула Воронцова. — И знаешь, что самое страшное? У завхоза есть план действий. Он предлагает провести инвентаризацию скрепок поштучно. С фотофиксацией.

Они вышли в коридор, где всё было как обычно: кто-то кричал «Где акт?!», кто-то тихо плакал над таблицей, а Барсик, спрыгнув с папки, уже обнюхивал коробку с расходниками. — Ладно, — сказала Воронцова, застёгивая пиджак. — Раз это официально, будем расследовать официально. По протоколу.

В кабинете планово-экономического отдела царил хаос, но хаос организованный. На столах лежали стопки бумаг, скреплённые не степлерами, а именно скрепками — как будто кто-то принципиально игнорировал прогресс. — Это не запасы, — оправдывался Игорь Петрович, теребя воротник. — Это... эргономика. Скрепка не портит бумагу. Скрепка — это уважение к документу. — Уважение — это хорошо, — спокойно сказала Воронцова. — Но «подозрительно много» — это уже статистика. Сколько у вас здесь скрепок, по вашим оценкам? Игорь Петрович задумался, потом махнул рукой: — Тысяча? Две? Я не считал. Они как тараканы: вроде не заводил, а плодятся. Барсик в этот момент ловко стащил одну скрепку со стола и утащил под шкаф. — Видите? — торжествующе сказал Игорь Петрович. — Даже кот их копит! Это коллективное бессознательное отдела!

Алексей достал блокнот и честно записал: «Кот Барсик — подозреваемый 1 в хищении скрепок. Мотив: строительство гнезда». — Не надо, — тихо попросила Воронцова. — Иначе это пойдёт в официальный отчёт, и нас перестанут воспринимать всерьёз.

Тут дверь распахнулась, и в кабинет ворвался завхоз — в спецовке, с планшетом и взглядом человека, который пришёл восстановить справедливость. — Так! — рявкнул он. — Где они? Где эти горы металла? Я чувствую их ауру! Барсик посмотрел на него, фыркнул и скрылся под стеллажом. — Спокойно, — сказала Воронцова, вставая между завхозом и Игорем Петровичем. — Мы ведём проверку. И у нас есть свидетель. Завхоз прищурился. — Кто? — Кот. На секунду в кабинете повисла тишина. Потом завхоз медленно опустил планшет. — Вы серьёзно? — Абсолютно, — кивнула Воронцова. — Он уже утащил одну. Если мы поставим ловушку

— скажем, положим рядом с коробкой яркую скрепку и будем наблюдать — мы поймём, одиночный это случай или системное хищение. Алексей едва удержался, чтобы не записать это в протокол как «оперативную разработку».

Через полчаса они сидели в засаде: Воронцова — с планшетом, Алексей — с секундомером, завхоз — с таким видом, будто его жизнь наконец-то обрела смысл, а Игорь Петрович — с чашкой чая и надеждой, что всё это окажется сном. Барсик вышел из-под шкафа, посмотрел на яркую скрепку, потом на людей, потом снова на скрепку. И... аккуратно подвинул её носом к коробке. — Он не крадёт! — воскликнул Игорь Петрович. — Он... наводит порядок! Завхоз медленно выдохнул. — Значит, это не хищение, — пробормотал он. — Это... внутренний контроль. Воронцова закрыла планшет. — Вот и разобрались. Барсик не враг учёта, он его союзник. И скрепки никуда не пропадают — они просто мигрируют под шкафы и обратно.

На итоговом совещании у полковника всё звучало уже почти солидно: «Проведена проверка по факту аномального количества канцелярских скрепок. Установлено: отсутствие хищения, наличие системного перераспределения силами неофициального сотрудника (кота Барсика). Рекомендовано: не проводить поштучную инвентаризацию скрепок; завести журнал учёта «мигрирующих» расходников; Барсика утвердить внештатным ревизором с символическим довольствием (одна пачка корма в месяц)». Полковник читал протокол, и его губы дрожали — то ли от гнева, то ли от смеха. — Это официально? — спросил он, глядя на Воронцову. — Абсолютно, — невозмутимо ответила она. — У нас есть фотодоказательства. И показания кота. Ну, в смысле, его действия. Полковник поставил подпись. — Пусть будет, — сказал он. — Иногда самое сложное расследование — это когда ты должен выглядеть серьёзно, разбирая дело о скрепках.

В коридоре Алексей наконец рассмеялся. — Мы только что раскрыли дело века... про скрепки. — И сделали это по регламенту, — строго сказала Воронцова, но уголки её губ тоже дрогнули. — Главное — не терять профессионализм. Даже если противник — канцелярский товар.

А Барсик тем временем уже устроился на подоконнике, будто знал: теперь его статус подтверждён официально. И если где-то снова появится «подозрительно много» чего-нибудь — он будет первым, кто об этом узнает.

Глава 11.

В приёмной полковника было тихо — та особенная тишина, которая появляется, когда все понимают: сейчас начнётся не просто разбор полётов, а разбор цепочки, по которой кто-то очень старательно пытался замести следы. На столе перед Воронцовой лежала флешка — обычная, чёрная, без маркировки. Но в отделе её уже называли «чёрной меткой»: с неё началось новое дело.

Алексей сел напротив, положил блокнот и ручку — не для красоты, а чтобы фиксировать каждую мелочь. Он уже знал: в серьёзных делах именно мелочи потом становятся гвоздями в крышке гроба чьей-то схемы. — Докладывайте, — коротко бросил полковник. Воронцова кивнула, будто подтверждая самой себе, что готова. — Флешку нашли в ящике стола у начальника отдела закупок. Не в сейфе, не в тайнике, а в самом обычном ящике, где лежат ручки и стикеры. Будто её туда положили не чтобы спрятать, а чтобы кто-то обязательно нашёл. Полковник приподнял бровь. — И что на ней? — Реестр платежей, — спокойно сказала Воронцова. — Но не тот, что в официальной системе, а «теневой». С пометками, кто кому сколько, и с датами, когда деньги должны были уйти, чтобы не попасть под мониторинг. Алексей открыл блокнот. — Мы сравнили с официальной базой. Есть расхождения по трём контрактам. Суммы совпадают, но маршруты — разные. В официальной базе деньги уходят на поставку оборудования. В теневом реестре — на фирму-прокладку, а оттуда — на офшор. Эксперт, сидевший чуть в стороне, кивнул. — Я проверил метаданные файлов. Они созданы в разное время, разными людьми. Но все редактировались с одного IP — из кабинета начальника закупок. И самое интересное: последняя правка сделана за час до того, как флешку нашли. — То есть кто-то знал, что её найдут, — тихо сказал Алексей. — И специально оставил свежий след. — Именно, — подтвердила Воронцова. — Это либо попытка свалить вину на начальника закупок, либо отвлекающий манёвр.

Они вышли из кабинета и пошли по коридору — не спеша, но без остановок. Алексей всё ещё чувствовал на себе взгляд полковника: тот будто проверял, выдержит ли молодой следователь темп серьёзного дела. — Куда сначала? — спросил Алексей. — К начальнику закупок, — ответила Воронцова. — Не для допроса, а для разговора. Надо понять, что он знает и что скрывает.

Кабинет начальника закупок был обставлен так, будто его хозяин собирался вот-вот уехать в отпуск: на столе — стопка путеводителей, на полке — модель яхты, а на мониторе — открытый сайт с авиабилетами. Сам он сидел, откинувшись на спинку кресла, и смотрел на них так, будто они пришли не по делу, а чтобы испортить ему настроение. — Вы знаете, что у вас в столе лежала флешка? — прямо спросила Воронцова. Он не вздрогнул, не побледнел — просто чуть наклонил голову, будто услышал что-то не очень важное. — Нет, — спокойно ответил он. — Я туда ничего не кладу. Туда кладут бумаги, которые я должен подписать. Иногда — стикеры с напоминаниями. Но не флешки. — А кто мог положить? — Да кто угодно, — пожал он плечами. — У меня три помощника, секретарь, курьер, который приносит документы... Да хоть уборщица. У всех есть доступ. Алексей записал: «Доступ — неограниченный». — А что насчёт реестра платежей? — спросила Воронцова. — Вы видели такой файл? Начальник закупок на секунду замер — не от страха, а от того, что понял: шутки кончились. — Видел, — признался он. — Мне его прислали. Анонимно. На почту. С подписью: «Посмотри, пока не поздно». — И вы ничего не сделали? — голос Воронцовой остался ровным, но в нём появилась сталь. — Я... не знал, что делать, — тихо сказал он. — Если бы я пошёл к руководству, это выглядело бы так, будто я сам в этом замешан. Если бы удалил — будто скрываю. Я просто... положил его в стол. Как будто если я его не трону, он исчезнет сам. — Он не исчез, — спокойно сказала Воронцова. — Его нашли. И теперь нам нужно понять, кто его прислал и зачем.

В серверной эксперт уже ждал их с новыми данными. — Почта, с которой прислали файл, — одноразовая, — сказал он, не поднимая глаз от экрана. — Зарегистрирована через публичный WiFi в торговом центре. Отследить отправителя почти невозможно. Но есть нюанс: письмо пришло ровно в тот момент, когда начальник закупок был на совещании у директора. То есть он физически не мог его получить и отреагировать. — Значит, кто-то специально выбрал момент, когда он будет вне зоны доступа, — тихо сказал Алексей. — Чтобы он не успел ничего сделать, — кивнула Воронцова. — Чтобы всё выглядело так, будто он знал и молчал.

Они вернулись в штаб и начали раскладывать всё по полочкам:

Теневой реестр — доказательство схемы.

Флешка в столе начальника закупок — попытка сделать его главным подозреваемым.

Анонимное письмо — способ подставить его, не оставляя прямых улик.

Время отправки письма — рассчитано так, чтобы он не мог среагировать.

Алексей посмотрел на доску, где мелом были выведены все факты. — Получается, нас пытаются заставить поверить в одну версию, — сказал он. — А настоящая схема — где-то рядом, но мы её пока не видим. — Именно, — кивнула Воронцова. — Поэтому мы не будем верить ни одной версии, пока не проверим все следы. Она достала распечатку журнала входов в систему закупок. — Смотри сюда. В день, когда был создан теневой реестр, в систему заходили с двух устройств: с рабочего компьютера начальника закупок и с гостевого ноутбука, который выдали новому стажёру из отдела логистики. Алексей быстро нашёл запись. — Но стажёр в тот день был на обучении. У него есть подтверждение. — Значит, ноутбук кто-то взял, — спокойно сказала Воронцова. — Надо найти, кто и зачем.

Вечером, когда коридоры опустели, а лампы горели только в нескольких кабинетах, Алексей сидел над распечатками и пытался найти связь между всеми нитями. Воронцова подошла, поставила перед ним чашку кофе и села рядом. — Не пытайся сразу увидеть всю картину, — тихо сказала она. — Сначала найди один надёжный след. Потом второй. И только когда они сойдутся — ты увидишь схему. Алексей кивнул. Он уже не искал «главную улику». Он искал совпадения, которые нельзя объяснить случайностью.

И одно такое совпадение он нашёл: в журнале гостевого ноутбука была запись о том, что с него заходили на почту начальника закупок. В тот самый день, когда пришло анонимное письмо. — Воронцова, — тихо позвал он. — Посмотри. Кто-то с гостевого ноутбука заходил на его почту. И не просто заходил — открывал входящие. Она посмотрела на распечатку, потом на него — и в её взгляде было то, что Алексей уже научился узнавать: это был момент, когда пазл начинал складываться. — Значит, письмо не просто прислали, — сказала она. — Его могли подстроить. Кто-то хотел, чтобы начальник закупок выглядел так, будто он всё знал. — И этот кто-то пользовался гостевым ноутбуком, — добавил Алексей. — Который мог взять любой сотрудник. — Любой, — кивнула Воронцова. — Но не каждый знал, где его держат и как войти в систему.

На следующее утро они уже знали, куда идти дальше: к завхозу — чтобы узнать, кто брал ноутбук; к секретарю — чтобы проверить, кто интересовался расписанием начальника закупок; и к службе безопасности — чтобы получить записи с камер в коридоре у серверной.

Алексей шёл по коридору и чувствовал, как меняется его отношение к делу. Это уже не было «очередным расследованием». Это была цепочка следов, которую кто-то старательно пытался запутать. Но чем больше они распутывали, тем яснее становилось: правда прячется не в громких оправданиях, а в мелочах — в времени входа в систему, в маршруте письма, в том, кто и когда брал гостевой ноутбук.

А Воронцова шла рядом — спокойная, собранная, будто знала: самое сложное уже позади. Самое сложное — это начать. А дальше остаётся только идти по следам, не сбиваясь с ритма, и не верить ни одному слову, пока оно не подтвердится фактами.

Глава 12.

Совещание у полковника началось с того, что Алексей уронил папку. Не просто уронил — она раскрылась в полёте, и по всему столу веером разлетелись распечатки логов, скриншоты с камер и одна особенно драматичная таблица, где красным было выделено «Вход с гостевого ноутбука».

— Это, — спокойно сказала Воронцова, глядя на рассыпанные улики, — называется «эффектное вступление». Алексей покраснел, но не от стыда, а от решимости. Он начал собирать листы, приговаривая: — Главное — не перепутать хронологию. Хронологию нельзя перепутать. Полковник посмотрел на этот процесс с выражением человека, который видел многое, но падающие папки с доказательствами — впервые. — Докладывайте, — сказал он. — Только, пожалуйста, без акробатики.

Воронцова встала, поправила пиджак — жест, который у неё означал «сейчас будет логика, держитесь». — Версия такая: кто-то намеренно подставляет начальника закупок. Для этого использовали гостевой ноутбук, с которого заходили и в систему закупок, и на его почту. Цель — создать видимость, что он знал о теневом реестре и молчал. Полковник нахмурился. — И кто этот кто-то? — Мы как раз выясняем, — кивнула Воронцова. — Сейчас идём по цепочке: завхоз журнал выдачи техники камеры алиби. Тут в кабинет заглянул завхоз — тот самый, который ещё недавно воевал со скрепками. Вид у него был такой, будто он пришёл не на совещание, а чтобы лично убедиться, что ничего из имущества не пропало. — Вы меня звали? — спросил он, оглядывая стол. — Или это я просто чувствую, когда про меня говорят? — Звали, — спокойно подтвердила Воронцова. — Нам нужен журнал выдачи гостевых ноутбуков. За последние две недели. Завхоз вздохнул, будто ему предложили не журнал, а подвиг. — Он... в архиве. А архив... в другом крыле. А другое крыло... — ...закрыто на инвентаризацию, — закончила за него Воронцова. — Точно! — обрадовался завхоз. — Как вы догадались? Алексей тихо прошептал: — У него это универсальная отмазка. На все случаи жизни: «архив закрыт», «склад на пересчёте», «скрепки в пути». — Слышу, — буркнул завхоз.

Через двадцать минут (и три обходных маршрута, потому что «тот коридор перекрыт из-за протечки») они стояли перед железным шкафом, который завхоз гордо называл «архивом». Он открыл его с таким видом, будто доставал не журнал, а государственную тайну. — Вот, — протянул он потрёпанную тетрадь. — Только не говорите, что надо оцифровать. Я морально не готов. Алексей открыл на нужной дате и замер. — Тут... пусто, — тихо сказал он. — Как пусто? — не понял завхоз. — Ни одной записи за эти дни. Будто никто ничего не брал. Завхоз побледнел — не от страха, а от осознания, что теперь виноватым сделают его. — Я... я всё выдавал, — забормотал он. — Но не записывал. Думал, потом впишу. У меня рука не поднималась каждый раз писать «ноутбук выдан стажеру». Это как-то... мелко для архива. Воронцова посмотрела на него так, что даже Барсик бы в этот момент спрятался под шкаф. — То есть у нас есть ноутбук, который кто-то взял, но мы не знаем кто, потому что вы не записали? — Примерно так, — вздохнул завхоз. — Простите. Я думал, это не важно. — В нашем деле важно всё, — строго сказала Воронцова. — Даже то, что кажется мелочью.

Они вернулись в штаб, где Алексей сел перед доской и начал писать: «Кто мог взять ноутбук?» Ниже он вывел три пункта:

Тот, кто знал, где он лежит.

Тот, кто знал пароль или умел его обойти.

Тот, кому нужно было подставить начальника закупок.

— Пункт первый и второй, — пробормотал Алексей, — это почти весь отдел. Пункт третий — уже интереснее. Воронцова кивнула. — Значит, идём от мотива. Кому выгодно, чтобы начальник закупок выглядел виноватым?

Ответ пришёл неожиданно — от секретаря начальника закупок, которая сама пришла к ним в кабинет с папкой и взглядом человека, который долго терпел, но больше не может. — Я знаю, кто мог это сделать, — сказала она, ставя папку на стол. — И у меня есть доказательство. Она открыла папку — и оттуда выпала... фотография. На ней был начальник логистики Игорь Степанович, который как раз забирал гостевой ноутбук из шкафа в коридоре. Дата на фото — тот самый день, когда всё началось. — Откуда? — выдохнул Алексей. — От стажёра, — пожала плечами секретарь. — Он всё снимает. Говорит, «для портфолио». А я говорю, что однажды это кого-нибудь спасёт. Вот и спасло.

На следующем совещании у полковника атмосфера была уже другой. Не напряжённой, а... собранной. Полковник смотрел на фото, потом на Воронцову, потом снова на фото. — Логистика, — медленно произнёс он. — Значит, это он пытался свалить всё на закупки. — Да, — подтвердила Воронцова. — Мотив простой: если закупки падают, логистика становится главным центром принятия решений. Плюс — у него были контакты с теми самыми фирмами-прокладками. Мы нашли переписку. Полковник постучал пальцами по столу. — А почему он не стёр фото? Алексей не выдержал и хихикнул: — Потому что стажёр всё выкладывает в общий диск. Говорит: «Так надёжнее». А на деле — так мы всех и ловим. Полковник прикрыл глаза, будто пытался удержать улыбку. — Замечательно, — сказал он. — То есть мы раскрыли схему благодаря стажёру, который хотел собрать портфолио, и завхозу, который не вёл журнал. — Именно, — невозмутимо подтвердила Воронцова. — В реальной работе улики приходят не оттуда, откуда ждёшь.

Когда совещание закончилось, Алексей и Воронцова вышли в коридор. — Знаешь, — тихо сказал Алексей, — я думал, что в серьёзных делах всё должно быть строго: тайные встречи, шифры, погони. А тут... фото от стажёра и забытый журнал. — А серьёзные дела и делаются на мелочах, — усмехнулась Воронцова. — Кто-то забывает записать выдачу ноутбука. Кто-то фотографирует всё подряд. А мы просто собираем эти кусочки. В этот момент мимо пробежал Барсик с чем-то блестящим в зубах. — Опять скрепка? — устало спросил Алексей. — Или улика, — серьёзно ответила Воронцова. — Пока не проверим — не узнаем.

Глава 13.

Кабинет Игоря Степановича напоминал штаб перед капитуляцией: на столе — стопки бумаг, на мониторе — три окна с таблицами, в углу — наполовину собранный портфель. Сам он сидел, выпрямившись, будто готовился произнести речь, достойную трибунала.

Воронцова вошла первой — спокойно, без суеты, как человек, который знает, что правда уже лежит у него в кармане. Алексей шёл следом, стараясь не выглядеть слишком довольным: он всё ещё помнил, что в серьёзных делах ухмыляться — дурной тон. Но удержаться было сложно: они наконец-то вышли на того, кто дёргал за ниточки.

— Игорь Степанович, — сказала Воронцова, усаживаясь напротив. — У нас есть несколько вопросов. Касательно гостевого ноутбука и теневого реестра. Игорь Степанович моргнул. Потом ещё раз. Потом сделал вид, что только что заметил портфель в углу. — А... это? — махнул он рукой. — Я собирался отнести его в ремонт. Там вентилятор шумит. Ужасно отвлекает. — Ноутбук не в портфеле, — спокойно сказала Воронцова. — Он в серверной. И на нём есть ваши отпечатки. И история входов. И даже фото, где вы его забираете. Алексей не удержался и чуть подвинул к нему распечатку — ту самую, со стажёром и «портфолио». — Это... недоразумение, — быстро сказал Игорь Степанович. — Ошибка системы. Знаете, как бывает: ты просто проходишь мимо шкафа, а система считает, что ты взял ноутбук. У неё такой алгоритм. — В алгоритме нет функции «считать, что ты взял ноутбук, если просто прошёл мимо», — невозмутимо ответила Воронцова. — Ну, значит, сбой, — упорствовал Игорь Степанович. — Технический сбой. У нас в логистике вообще техника капризная. То принтер сам печатает, то система сама подписывает накладные. Прямо как живой человек. Только вредный. Алексей посмотрел на Воронцову. Та даже бровью не повела. — Хорошо, — сказала она. — Допустим, система сама взяла ноутбук. А кто тогда заходил с него на вашу почту? Тоже сбой? — Может, вирус, — с надеждой в голосе предположил Игорь Степанович. — Или... квантовая аномалия. Я читал, такое бывает. Данные сами перемещаются. — Квантовая аномалия не умеет ставить галочки в графе «согласовано», — сухо заметила Воронцова. — И не умеет отправлять письма с чужого ящика. Игорь Степанович тяжело вздохнул, будто сдавался не следствию, а самой несправедливости мира. — Ладно, — пробормотал он. — Я взял ноутбук. Но не для того, чтобы подставлять начальника закупок. Я просто... хотел проверить одну гипотезу. — Какую гипотезу? — спросил Алексей. — Гипотезу о том, что если немного подправить цифры, система станет работать стабильнее, — буркнул он. — Это был эксперимент. Научный. — Научный эксперимент с офшорными счетами? — уточнила Воронцова. — Ну... прикладная наука, — вздохнул Игорь Степанович. — Понимаете, когда план горит, а бюджет режут, приходится искать нестандартные решения. — Нестандартные решения не должны нарушать закон, — спокойно сказала Воронцова. — А у нас тут не решение, а схема. И она зафиксирована. Он посмотрел на неё, потом на Алексея, потом снова на папку с документами — и вдруг резко захлопнул портфель. — Знаете, — сказал он, — я готов сотрудничать. Полностью. Со всеми показаниями. Только... можно я сначала допью кофе? У меня сегодня был тяжёлый день. Сначала квантовая аномалия, потом система-самовнушитель, а теперь вот вы. — Можно, — кивнула Воронцова. — Но без добавлений. И без попыток «подправить» протокол.

Пока Воронцова и Алексей оформляли показания, в другом конце здания разворачивалась другая драма — не менее эпичная, но с другим составом действующих лиц.

Завхоз стоял перед железным шкафом, держа в руках новенький журнал — в твёрдой обложке, с золотым тиснением «Журнал учёта материальных ценностей» и такой серьёзной обложкой, будто это была конституция склада. Рядом с ним, на коробке из-под бумаги, сидел Барсик и смотрел на происходящее с видом философа, который давно понял: люди странные, но кормить их надо.

Алексей заглянул в помещение, увидел эту сцену и замер. — Ты... что делаешь? — осторожно спросил он. Завхоз не обернулся. Он держал ручку так, будто подписывал не журнал, а свою судьбу. — Я начинаю новую жизнь, — торжественно произнёс он. — С этого момента каждая скрепка, каждый степлер, каждый гостевой ноутбук будут учтены. До последней запятой. — Просто... запиши выдачу ноутбука, — мягко сказал Алексей. — Нам это нужно для дела. — Нельзя просто записать, — трагично ответил завхоз. — Надо сделать это правильно. С чувством. С осознанием ответственности. Он открыл журнал, вывел первую строчку — и замер, будто боялся спугнуть вдохновение. — «Гостевой ноутбук... выдан...», — медленно начал он. — Кому? — Нам, — сказал Алексей. — Для следственных действий. — «Выдан сотрудникам для следственных действий», — повторил завхоз, записывая с таким старанием, будто выводил иероглифы на камне. — Дата... время... подпись... Барсик фыркнул, прыгнул с коробки и боднул его в ногу. — И ты тоже, — вздохнул завхоз, глядя на кота. — Даже ты понимаешь, что это важно. — Он просто хочет, чтобы ты быстрее закончил, — усмехнулся Алексей. — Ему скучно. — Скучно? — возмутился завхоз. — Да это исторический момент! Впервые за десять лет у нас будет полный учёт! В этот момент в коридоре мелькнула тень — это пробежал стажёр с фотоаппаратом. Завхоз тут же выпрямился и прикрыл журнал. — Эй! — крикнул он. — Не надо меня снимать! Это слишком личное! Стажёр замер, опустил камеру и виновато улыбнулся. — Простите. Просто... хотел запечатлеть момент возрождения дисциплины. — Запечатлевай лучше коробки, — буркнул завхоз. — Коробки не обижаются.

Когда Алексей вернулся к Воронцовой, она как раз закрывала папку с показаниями Игоря Степановича. — Ну что, — сказала она, не поднимая глаз. — Теперь у нас есть и мотив, и действия, и даже фотодоказательство от стажёра. — И новый журнал учёта от завхоза, — добавил Алексей. — Он его вёл так, будто писал мемуары. Воронцова наконец улыбнулась — чуть-чуть, ровно настолько, чтобы Алексей понял: день прошёл не зря. — Главное, чтобы теперь он его вёл, — сказала она. — А не только торжественно начал.

В коридоре снова мелькнул стажёр — на этот раз без камеры, зато с папкой. — Кстати, — сказал он, останавливаясь рядом. — Я тут ещё одно фото нашёл. Не по делу, но... может, пригодится. Он протянул снимок: на нём завхоз аккуратно ставил галочку напротив строки «Скрепка — 1 шт.», а Барсик сидел рядом и смотрел в объектив с видом соучастника. Алексей взял фото, посмотрел на него, потом на Воронцову. — Добавим в материалы? — спросил он. — Нет, — покачала головой она. — Это уже не улика. Это история. Пусть останется у тебя. На память.

И они пошли дальше по коридору — туда, где ждали новые папки, новые следы и новые маленькие драмы, из которых и складывалось большое расследование. А где-то позади завхоз всё ещё шептал: «Гостевой ноутбук... дата... подпись...», и в этом шёпоте слышалась надежда, что теперь-то всё будет по правилам.

Глава 14.

Утро началось не с кофе, а с паники. В приёмной полковника стояла женщина в идеально сидящем костюме и с таким взглядом, будто она пришла не на беседу, а чтобы лично переписать устав предприятия. Рядом с ней — молодой человек в худи с надписью «Я тут по стажировке», который нервно сжимал в руках планшет и делал вид, что он невидим.

— Это Эльвира Марковна, внешний аудитор, — представил её секретарь, будто объявлял выход примадонны. — А это... стажёр. Кажется, его зовут Денис. Или Дима. В общем, новенький. — Дмитрий, — тихо поправил стажёр, не поднимая глаз. — Главное, что не «тот самый стажёр с фотоаппаратом», — пробормотал Алексей, косясь на планшет. — У нас и без портфолио хватает драм. Воронцова кивнула, сохраняя лицо профессионала, который привык, что утро начинается с катастрофы. — Эльвира Марковна, чем можем помочь? Аудиторша достала из папки лист и положила его на стол так, будто это была смертная казнь для бухгалтерии. — У вас расхождение по кофемашине, — сказала она. — На три миллиона рублей. Алексей моргнул. — По... кофемашине? — Да. В смете она проходит как «модульная система оптимизации напитков с ИИ-аналитикой». А по факту — это кофемашина. С кнопкой «капучино». — А... ну да, — протянул Алексей. — Это отдел маркетинга настаивал на «премиальном позиционировании». Они сказали, что, если назвать её просто «кофемашина», сотрудники будут меньше её ценить. Эльвира Марковна посмотрела на него так, будто он только что признался в подделке годового отчёта. — Ценить кофемашину — это одно, — холодно сказала она. — Завышать стоимость оборудования в десять раз — это другое. И это тянет на служебное расследование.

Полковник постучал пальцами по столу. — Воронцова, разберитесь. Алексей — в помощь. И... постарайтесь, чтобы это не попало в сводку новостей.

Они вышли в коридор, где уже царила своя драма. Завхоз стоял перед шкафом и пытался запихнуть туда коробку, которая явно была больше шкафа. — Не лезет! — трагично воскликнул он, будто мир рушился у него на глазах. — Что там? — спросила Воронцова. — Новые бланки, — вздохнул завхоз. — Их прислали, потому что старые «не соответствуют обновлённой цветовой палитре отчётности». А я даже не знаю, что это значит. Алексей заглянул в коробку. — Тут сто пачек бумаги. И на каждой — логотип в трёх оттенках бежевого. — Именно, — кивнул завхоз. — Я боюсь их открывать. Вдруг они заразные.

В отделе маркетинга их встретили с энтузиазмом, который обычно бывает у людей, которые знают, что их сейчас будут допрашивать, но надеются обаять следователя. — О, Воронцова! — радостно воскликнул начальник отдела, Никита Сергеевич, человек, который даже в служебной записке использовал эмодзи. — И Алексей! Заходите, у нас как раз дегустация новых вкусов сиропов для кофемашины. Хотите «карамельный закат» или «ванильный рассвет»? — Мы по делу, — спокойно сказала Воронцова. — По поводу кофемашины. И её стоимости. Никита Сергеевич тут же перестал улыбаться. — А, это... — протянул он. — Ну, тут всё просто. Мы не просто купили кофемашину. Мы купили... опыт. Пользовательский опыт. А он стоит дорого. — Опыт не стоит три миллиона, — сухо заметила Воронцова. — Ну, может, чуть завысили, — пожал плечами Никита Сергеевич. — Но вы же понимаете: имидж. Если у нас будет обычная кофемашина, клиенты подумают, что мы не инновационная компания. Алексей достал блокнот. — То есть вы сознательно исказили описание оборудования, чтобы оно выглядело дороже? — Не исказили, — быстро сказал Никита Сергеевич. — Переосмыслили. Это маркетинг. — Это статья, — тихо сказала Воронцова. — И нам нужны все документы по закупке. И контакты поставщика. Никита Сергеевич побледнел. — Поставщик... он... в отпуске. На Мальдивах. Без связи. — Замечательно, — кивнула Воронцова. — Значит, будем искать другие следы.

Следы привели их в бухгалтерию, где царил хаос, но хаос организованный. За столом сидела Галина Петровна — главный бухгалтер, женщина, которая могла одним взглядом заставить стажёра вернуть ручку на место. Рядом с ней сидел тот самый Дмитрий-стажёр, который теперь выглядел так, будто хотел провалиться под пол. — Галина Петровна, — сказала Воронцова. — Нам нужны документы по закупке кофемашины. Бухгалтер вздохнула, будто её попросили выдать государственную тайну. — Они... в системе, — сказала она. — Но система сегодня капризничает. Говорит, что документы «на согласовании». А они там с февраля. Алексей посмотрел на экран. — Тут написано «статус: в работе». А дата последнего изменения — вчера. — Ага, — кивнула Галина Петровна. — Это Дмитрий случайно нажал. Он хотел распечатать чек, а нажал «отправить на доработку». Теперь система думает, что мы всё ещё спорим о цене. Стажёр покраснел. — Простите, — пробормотал он. — Я думал, это кнопка «печать». — Ничего, — спокойно сказала Воронцова. — Ошибки случаются. Главное — их исправлять. — И не попадать в отчёты аудиторов, — добавила Галина Петровна с мрачной иронией.

Пока Алексей разбирался с системой, Воронцова заметила на столе папку с надписью «Секретно: вкусы сиропов». — Это тоже часть закупки? — спросила она. Галина Петровна закатила глаза. — Это бюджет на дегустации. Они утверждают, что «вкусовой профиль влияет на лояльность сотрудников». Я им сказала: «Дайте мне обычный сахар, и я буду лояльна». Но меня не послушали.

К обеду они собрали достаточно, чтобы понять: схема была простой. Маркетинг завысил стоимость кофемашины, бухгалтерия «не заметила» расхождения, а поставщик... оказался фирмой-однодневкой, зарегистрированной на человека, который утверждал, что «просто подписал бумажку за пять тысяч рублей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.